

АЛЬБЕРТ
Байкалов

ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ БОЕВИК

СПЕЦНАЗ

**Под грифом
«Любой ценой»**

Альберт Байкалов

Под грифом «Любой ценой»

«ЭКСМО»

2012

Байкалов А. Ю.

Под грифом «Любой ценой» / А. Ю. Байкалов — «Эксмо», 2012

Глеба Тихонова, инженера-конструктора секретного НИИ, постигло большое горе. Машина сбила на улице его единственного сына. Мальчик в коме. Нужна срочная и очень дорогая операция, которую могут сделать только за границей. Но денег у ученого нет. Неожиданно на пути Тихонова появляется некто Курочкин, который предлагает Тихонову деньги, но с условием – Глеб должен покинуть страну. Инженер даже не подозревает, что трагедия с сыном – это тщательно спланированная операция американских спецслужб. Но о ней становится известно группе спецназа под командованием подполковника Антона Филиппова. А значит, необходимо любой ценой сорвать операцию американцев...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	21
Глава 3	34
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Альберт Байкалов

Под грифом «Любой ценой»

Пролог

Салауддин Алиханов пришел в себя от металлического лязга. Некоторое время он не мог понять, что с ним и где он. Лишь когда с грохотом откинулась нижняя крышка бортовой двери, Салауддин наконец понял, что сидит в бронетранспортере. Щурясь от яркого света, он попытался разглядеть стоявшего снаружи человека.

Открыв люк, в образовавшийся проем протиснулся конвоир.

– Почему без команды выполз? – с ходу строго спросил его кто-то.

В ответ солдат пробурчал что-то нечленораздельное, но обратно не полез.

– Алиханов! – раздался голос.

Салауддин слегка подался вперед. В тот же момент сидевший сбоку здоровяк в маске с прорезями для глаз и рта положил ему на шею руку, пригнул и слегка подтолкнул к выходу.

Морщась от боли в плече, Салауддин выбрался наружу. Каково же было его удивление, когда вместо ожидаемых забора и корпусов следственного изолятора он увидел покрытые лесом горы...

БТР стоял на извилистой каменистой дороге, подпираемый сзади «Уралом». Впереди захлопали дверцы, и Салауддин обернулся. Из «уазика» выбрались трое чеченцев в камуфлированных куртках без знаков различия. Нижнюю часть лица каждого покрывала густая щетина.

«Кадыровские собаки!» – зло плюнул он себе под ноги и отвернулся. Больше схвативших его русских Салауддин ненавидел предателей-земляков. Ничего, пройдет время, и он отомстит. У него хорошая память. Каждый из них навсегда остался в ней.

Между тем ехавшие в остальных машинах солдаты, выпрыгивая на землю, веером разбежались в стороны от колонны и занимали круговую оборону, а часть из них стали подниматься в гору. В действиях солдат чувствовалась слаженность. Салауддин тяжело вздохнул.

Сбоку от него вдруг раздалась шаги.

– Ты? – удивленно воскликнул Алиханов.

Перед ним стоял Мухмат, его правая рука. Салауддин хорошо помнил, что, когда спецназ последний раз пошел на штурм, Мухмата буквально опрокинуло на спину взрывом разорвавшейся во дворе гранаты.

– Я тоже не ожидал тебя увидеть, – вымученно улыбнулся Мухмат. Его лицо было бледным, оттого черная как смоль борода смотрелась неестественно. Он и раньше не брился, даже живя в селе.

Теперь Салауддин понял: он действительно не ошибся, Мухмата точно ранило в грудь.

– Ты как? – спросил он своего помощника.

– Разговоры! – раздался окрик, и кто-то толкнул его в спину. Боль молнией ударила в плечо. Салауддин втянул через стиснутые зубы воздух и обернулся. Сзади стоял ехавший с ним в БТР солдат, держа в руках направленный ему в спину автомат.

«Сопляк!» – подумал Салауддин и спросил на чеченском:

– Интересно, что они задумали?

– Вперед! – скомандовал офицер.

Вся колонна направилась к горе и начала подъем. Вокруг Салауддина и Мухмата шли кольцом сразу четверо солдат.

«Неужели решили убить без суда?» – с тоской подумал Алиханов, морщась от боли, которая при каждом шаге отдавалась под лопаткой и в предплечье.

Вчера рано утром дом, в котором находились он, Мухмат и еще трое моджахедов, окружили сначала милиция, потом подъехавший спецназ. На предложение сдаться они ответили огнем. Но силы были неравные. Не прошло и нескольких минут, как был убит Аслан, потом Доку, тяжело ранили Хакима. Возможно, и Салауддин тоже умер бы, однако пуля попала в плечо, и он только потерял сознание. В себя Алиханов пришел от боли и собственного крика, когда двое спецназовцев, перевернув его на живот на грязном, усыпанном осколками битого стекла и обломками мебели полу, хотели связать за спиной руки. Ему надели на голову мешок из плотной ткани, бегом вывели из дома и усадили в машину. Долго куда-то везли.

А потом был допрос. Салауддин отвечал нехотя, тщательно обдумывая каждый ответ. Плотный майор с квадратной фигурой особо не усердствовал. Было видно: он хорошо информирован обо всех делах Салауддина. Поздно вечером Алиханова отвели в помещение без окон. Напротив двери были нары. Ему обработали рану, сделали укол. Сегодня разбудили, снова надели на голову мешок и куда-то повели. Салауддин не мог определить даже время суток. Потом он понял, что его загрузили в бронетранспортер. Сколько ехали, Салауддин не знал, потому что уснул. И вот привезли в лес. Солнце почти в зените. Значит, полдень.

Неожиданно он узнал это место и украдкой оглянулся по сторонам. Точно! Когда-то здесь неподалеку был лагерь. Возможно, их ведут туда для следственных действий. Салауддин успокоился.

Вскоре они спустились в овраг. На земле кое-где виднелись масляные пятна, они здесь оставляли машины. Летом не найти лучшего места, даже с вертолета их не видно. Росшие по кромке деревья смыкались над головой, прикрывая от чужих глаз все, что здесь прятали.

Они поднялись по склону и вскоре оказались на небольшой поляне.

– Пришли, – раздался голос.

Салауддин обернулся. Рослый военный в маске по-хозяйски огляделся. Следом за ними на поляне появились чеченцы, приехавшие на «уазике».

– Странно. – Алиханов посмотрел на Мухмата. Моджахед едва держался на ногах. Было видно, что подъем в гору дался ему с большим трудом. Лицо мокрое от пота, губы посинели. С двух сторон его поддерживали двое солдат.

– Одевайте их, – распорядился рослый военный.

Солдат подошел к Салауддину и протянул ему разгрузочный жилет.

– Бери!

Теряясь в догадках, Салауддин вставил в проем жилета здоровую руку и поморщился от боли.

– Сейчас, – подошел чеченец, осторожно взял его за запястье и помог надеть. Второй солдат принес автомат.

– Хотите устроить все так, будто застрелили нас в лесу? – попытался угадать Салауддин.

Его охватил животный страх. Сколько раз, убивая пленных, Алиханов пробовал понять, что испытывают они! Ему было интересно наблюдать за тем, с каким ужасом люди переживали последние мгновения своей жизни. Он смаковал и наслаждался этим, испытывая неопишуемый восторг, граничащий с безумным ужасом. Невозможно передать словами ощущения человека, перешагнувшего черту, дозволенную только Аллаху.

– Просто нужно немного побыть фотомоделью, – объяснил рослый военный.

– Фотосессия! – добавил худощавый, с болезненным лицом, мужчина, единственный, одетый в штатское, отчего Салауддин сделал вывод, что это контрразведчик.

– Ага, – хохотнул военный в маске. – Для журнала «Плейбой».

– Что ты сказал? – нахмурился Салауддин.

Он знал, что это за журнал, и слова его оскорбили. Забыв про боль, он со всей силой размахнулся, и в тот же миг стоящий на расстоянии вытянутой руки чеченец толкнул его в

грудь. Не удержавшись на ногах, Салауддин полетел на спину. Его словно молния ударила в плечо. От удара о землю в глазах потемнело, и он стиснул зубы, чтобы не закричать от боли.

– Джин, зачем? – раздосадованно спросил рослый в маске и обернулся к стоящему позади себя крепышу: – Банкет, помоги ему встать.

– Декорации готовы? – спросил кто-то.

Сделав глубокий вдох, Салауддин сел. В тот же момент его подхватили под здоровую руку и поставили на ноги.

Затем усадили на прорезиненный коврик у костра, разведенного на месте старого кострища. Рядом опустился чеченец, которого рослый военный назвал Джином.

Их тут же сфотографировали. Потом еще. Справа присел на корточки второй «кадыровец», позади заставили встать Мухмата.

– Зачем это? – нахмурился Салауддин. – Вы хотите показать, какой трофей попал к вам в руки?

Неожиданно его обдало жаром. Он вдруг понял, что все это значит. По всей видимости, ФСБ задумала внедрить к кому-то из полевых командиров предателей, которые будут утверждать, что воевали в его отряде.

От того, что его в очередной раз использовали, а он ничего не может сделать, Салауддин зарычал.

– Что с тобой? – испуганно спросил Мухмат.

– Эти шакалы... – вскочил Салауддин, отбрасывая автомат.

Договорить он не успел. В грудь словно влетела раскаленная игла, пробила его до самого позвоночника, сковав дыхание, и Салауддин полетел на спину...

Мухмат лишь удивленно посмотрел в сторону, откуда раздался выстрел. Следующая пуля попала ему в переносицу.

– Противник со стороны ручья! – раздался вдруг чей-то вопль, и вслед за ним сразу треснула автоматная очередь.

Рослый военный в маске поднес к губам станцию:

– Дрон, молодец... Отработал, уходи...

Глава 1

Ирочка Земляникина, по мужу Оутис, жгучая брюнетка с синими глазами, игриво вытолкнула язычком трубку, через которую сосала коктейль, и положила голову на плечо Мартынова.

– Я говорю тебе, у Жука кокс – отпад! – стараясь перекричать музыку, продолжал спорить обладатель худосочной фигуры в модной майке и джинсах.

Ирину воротило от этого «мажора», но ничего не поделаешь – назвался груздем, полезай в корзину. Никто не заставлял ее год назад подписывать контракт с Сэмом Кейро. Хотя, не поставь она тогда закорючку в каждом листе толстой пачки стандартных листов с едва различимыми глазом водяными знаками, не видать ей ни визы, ни сына, с которым уехал в Штаты супруг. В принципе, печать в паспорте о том, что она законная жена Оутиса, уже давно ни к чему не обязывала. Ирина познакомилась с Томасом на конкурсе красоты. Занявшая третье место девушка не могла и мечтать, что американский гость обратит на нее внимание, однако уже после второго прохода поняла, что он смотрит только на нее. Потом – ресторан, бурная ночь в гостинице, уроки английского и скромная свадьба, после которой Ирочка быстро поняла, что нужна средней руки бизнесмену лишь в качестве вывески. Он жил своей жизнью, не обращая на нее никакого внимания. Вскоре родился сын, однако это никак не укрепило их отношений. Нет, Томас души не чаял в наследнике, но после его появления и вовсе перестал замечать свою супругу. В довершение ко всему Ирочка узнала, что женщины Томаса никогда не интересовали. Связь с ней ему была нужна лишь для продолжения рода. Известие привело ее в ужас, который постепенно перешел в хроническую депрессию. На одной из презентаций Ирочка познакомилась с журналистом из небольшой газеты. Романа между ними не было, так, легкая интрижка. Но этого хватило, чтобы девушка оказалась за забором роскошного особняка без гроша в кармане. По сути, Томас только этого и ждал. Здесь ей и подвернулся Сэм...

– Я у Жука брал – фуфло! – растягивая слова и улыбаясь странной, резиновой улыбкой, вяло махнул рукой Хмурый. – Даже не заторчал.

– Да умойся, Мартын, бадяжит он его, – встрял в разговор изможденный, похожий на смерть Капа. Сложив на груди руки и натянув на голову капюшон худи, он до этого просто смотрел перед собой невидящими глазами.

«Господи, что я делаю среди этих уродов?» – с тоской подумала Ирочка и посмотрела на часы. Ее словно ударило током. Почти одиннадцать, а она назначила встречу на десять. Тихонов уже больше получаса мается в ресторане, в любой момент может психануть и отправиться домой. Ирочка огляделась и встала. Мартын ничего не заметил. Она уже не раз выходила, и он не придавал этому значения.

В туалете, в углу рядом с зеркалом, вытянув худые ноги, сидела похожая на Мальвину девушка. Лицо бледное как мел, с нижней губы на силиконовую грудь стекает слюна. Ирина со знанием дела тронула ее за шею. Жива. Не рассчитала, дуреха. Быстро прошла в кабинку, повернула никелированную ручку, закрыла крышку унитаза, поставила на нее сумку и сняла куртку. Быстро поменяла майку с белой на черную. Надела парик и очки...

Через пару минут, под шум воды из сливного бачка, из туалетной комнаты вышла совершенно другая девушка.

На улице было безлюдно. Ирина прошла на автостоянку.

– Где тебя черти носят? – с возмущением заговорил Сэм, когда она уселась за руль «Форда». – Ключи давай!

Она вложила в протянутую руку брелок, и он тут же вышел из машины.

Через минуту со стоянки плавно выкатил серебристый «Хаммер» и повернул в сторону Большой Черкизовской.

Ира остановила «Форд» на другой стороне улицы. Ресторан «Опера» был выбран Сэмом не случайно: парковка напротив него все время была занята, поэтому те, кто приезжал позже, были вынуждены оставлять машины, где придется. «Хаммер», за рулем которого сидел Сэм, уже притулился у обочины. Некоторое время Ирина со страхом разглядывала этого угловатого монстра, похожего в темноте на бронтозавра времен палеозоя, потом вздохнула и нажала на кнопку сотового.

– Ира? – с ходу раздалось в трубке.

– Да, Сережа, здравствуй, – заговорила она уставшим голосом. – Ты уже в «Опере»?

– Давно, – ответил парень.

– Можешь выйти?

– А что случилось? Ты где? – засыпал он вопросами.

– Напротив, через дорогу.

– Почему не зайдешь?

– Увидишь. – Она всхлипнула и отключила телефон.

Двери ресторана распахнулись, и на улицу выскочил рослый молодой мужчина. Оглядев-шись по сторонам, он бросился через дорогу. Наперерез ему уже поехал «Хаммер».

Вот до тротуара остается несколько шагов. Еще немного, и Сергей на проезжей части. Теперь дозвон! Нужно отвлечь, как учил Сэм, иначе может отскочить. «Хаммер» надвигался, словно танк. Ирина нажала на кнопку сотового. Сергей посмотрел в сторону машины, но тут же схватился за карман и остановился.

«Услышал звонок», – догадалась она и зажмурилась. Хлопок и странный звук лопнувшей тетивы утонули в женском крике.

Ира открыла глаза. На том месте, где стоял Сергей, никого не было. Она глубоко вдохнула и тут увидела его. Как оказалось, мужчину отбросило на несколько десятков метров к автобусной остановке. Огни «Хаммера» на первом светофоре уплыли вправо.

– Теперь надо немного выждать и не спеша отъехать, – помня инструктаж Сэма, прошептала Ирина. – Иначе обратят внимание...

– Ты где была? – тяжело сопя, положил ей на плечо руку Мартын.

– Там уже нет, – брезгливо поморщилась она. – Носик пудрила.

– Ага, – хохотнул Капа. – Герычем!

– Мальчики, мне пора. – Ирина посмотрела на часы.

– Тебя довезти? – Мартын упер руки в диван и подался вперед.

– Я с обдолбанными не езжу, – она толкнула его кончиками пальцев в щеку.

– С каких это пор? – прокричал ей вслед Мартын.

Но Ирочка уже не ответила. Зачем? Страница перевернута. Больше он ее не увидит.

Уже светало, когда, свернув с шоссе и проехав через лес, она остановила машину перед воротами. Направив на столб с едва заметно мигающим светодиодом небольшой пульт, нажала на кнопку. Раздался щелчок, створки отъехали в стороны. Ира включила передачу, и машина плавно вкатилась во двор, посреди которого, в окружении сосен, стоял двухэтажный коттедж. Его арендовала для своих сотрудников американская компания, в которой Сэм числился каким-то клерком. Ира понимала, что это лишь прикрытие его основной деятельности.

Она открыла дверь своим ключом и вошла в дом. На ней уже не было легкомысленного одеяния. Она успела съездить на свою квартиру и переодеться. Убранные под шляпку волосы, длинный плащ и воздушный шарф вокруг шеи изменили ее до неузнаваемости. Одежду, в которой Ирочка была в ночном клубе, она выбросит. Пусть вместе с ней уйдет и страх воспоминаний об этом дне.

По лестнице, ведущей на второй этаж, кто-то медленно спускался, и Ира навалилась на стену плечом:

- Сэм?
- Кто может ждать тебя в этих стенах, кроме меня?
- Оперативные сотрудники ФСБ, – пошутила она. – Полиция.
- Все шутишь?
- Почему не включаешь свет? – Ира сняла с плеча сумочку.
- Так легче думается.

Ира щелкнула выключателем.

На Сэме была футболка и спортивные штаны. В этой одежде он выглядел убого. Впалая грудь, тонкие руки, покрытые черными волосками... Ни за что не скажешь, что разведчик. А может, и не разведчик вовсе? Он не рассказывал, она не спрашивала. Была обязанность выполнять все, что говорит Сэм, она выполняла. Даже более... Иногда Ирочка начинала ощущать себя вещью, которой безраздельно пользуется этот человек. Или не человек, как и Сэм Кейро? А впрочем, какая разница? В ее положении выбирать не приходится. Ничего не поделаешь, на карту поставлено самое дорогое – ребенок. Сэм однозначно заявил, что в случае возникновения любых проблем он сможет с ними разобраться, нужно только время. А вот она уже никогда не увидит своего сына. Поэтому Ирочке приходилось даже имитировать, будто Сэм ей интересен. Это было не намного легче, чем все остальное, тем более что в постели он не блистал.

Сэм подошел и помог ей раздеться, участливо заглядывая в глаза.

- Все нормально?
- А у тебя?
- О чем ты? – нахмурил он лоб. – Сколько живу в вашей стране, так и не понимаю многих предложений, везде какой-то двойной смысл.

– Мы человека убили. – Она отпила из стакана вина. – Разве может быть нормально?
– Хочу тебя успокоить: не убили, – он положил ей на запястье руку. – Он выжил.
– Слава богу! – Ира прижала стакан к щеке, но тут же встрепенулась и испуганно посмотрела на Сэма: – Но его так далеко отбросило... Наверное, ни одной целой кости?

– Ты почти права, – кивнул он. – Парень в коме. У него сломаны кости таза, руки и нога, травмирован позвоночник. Я уж не говорю о повреждении мозга. Все идет строго по плану. В ближайшее время врачи будут рекомендовать конструктору лечить сына в Израиле, а стоимость лечения окажется космической.

– Ты уверен, что врачи посоветуют Тихоновым везти сына за границу? – недоверчиво спросила Ира.

– За что же им завтра заплатят? – спросил он и сам же ответил на этот вопрос. – Ты появишься в больнице под видом любимой девушки. Пустишь слезу и попросишь об этом врачей. Скажи, что отец твоего любимого работает в закрытом институте и будет использовать любые причины противиться этому. Он – патриот, но тебе важнее живой жених. Правильно?

– Но как? – растерялась она. – До сих пор я считала, что больше не увижу его. Тем более наверняка проверили, с кем он говорил по телефону...

– Брось, – отмахнулся Сэм. – Звонок был сделан с другой трубки. К тому же, даже если он придет в себя, наверняка не будет помнить того дня.

– Послушай, Сэм... – Ира, не мигая, уставилась ему в глаза. – А что ты будешь делать, если вдруг он умрет?

– Еще лучше. – Сэм взял бутылку, снял с никелированного крючка стакан. – Если такое случится, я знаю, как действовать. Поверь, это мой хлеб.

- Но как ты тогда вынудишь Тихонова уехать из страны? – удивилась Ирина.
- Смерть сына обозлит его. Ты только представь себя на его месте...
- Не дай бог, – она постучала по стойке костяшками пальцев.
- Он знает убийцу и уверен, что это сделал Мартынов, а полиция будет вынуждена утверждать, что не он, – не обращая внимания на ее реакцию, увлеченно продолжал Сэм. – Само-

любие человека, внесшего огромный вклад в развитие оборонных систем, будет сильно затронуто. Он просто обязан возненавидеть свою страну.

– Сколько будет получать Тихонов, если согласится на твои условия? – спросила Ирина.

– Он ни в чем не будет нуждаться. – Сэм обошел стойку и положил ладонь на Ирино бедро. – Америка бережно относится к таким людям. Он гений.

Рука поползла выше.

– Не сейчас. – Она взяла его за запястье и отстранилась. – Нет настроения.

– Понимаю, – кивнул он. – Скоро это пройдет.

Дрон выглянул на дорогу. Чисто. Держа автомат направленным в гору, он перебежал на другую сторону, опустился на одно колено и поднял вверх сжатый кулак. Из зарослей поднялся Гайрбек Куциев и устремился следом. За ним – Гайнулин. Все происходило без единого звука. Как в немом кино.

Дрон надвинул нуристанку на лоб:

– Ну что, господа моджахеды, с богом?

Они стали быстро подниматься вверх по склону.

Со стороны могло показаться, что идут трое боевиков. Спецназовцы давно забыли про бритвы. Вместо привычного «вала» у Дрона был «АКМ». Голову Гайрбека, которого называли Габбро, украшала повязка с арабской вязью. Он был в самодельном разгрузочном жилете, надетом на кожаную безрукавку. Среди троих спецназовцев Габбро – единственный чеченец. Ринат Гайнулин, доктор группы, с позывным и кличкой «Москит», раздобыл для такого случая кепку с длинным козырьком и натовскую униформу. Вот с кроссовками – явный перебор, из-за молодой травы, покрывавшей склоны, они сильно скользили. Ничего не поделаешь, есть вероятность напороться на настоящих боевиков. Но больше спецназовцев волновало, чтобы свои не догадались, кто их обстрелял. Будут большие проблемы, если ответным огнем ранят, или того хуже, убьют кого-то. Цель «маскарада», как назвал эту операцию командир группы подполковник Филиппов, – убедительно сыграть роль боевиков, которые устранили находившихся в плену у русских полевого командира Салауддина Алиханова и его помощника Мухмата. Место выбрали не случайно. Они знали, что для следственных действий начавших давать показания бандитов привезут сюда. Рядом с блиндажом, в котором месяц назад пряталась банда, был устроен хитроумный тайник с взрывчаткой и тремя гранатометами. У него и было решено организовать ликвидацию ставших опасными свидетелями «братьев по оружию». Вся сложность заключалась в том, что, кроме офицеров спецназа, об этом никто не знал, поэтому на огонь наверняка ответят все, кто будет принимать участие в следственном эксперименте. А это – работники военной прокуратуры, комендантский взвод, сотрудники ФСБ и милиции...

– Пришли, – замедлил шаг шедший чуть сзади Габбро.

– Уверен? – зачем-то спросил Дрон и огляделся.

Москит посмотрел на часы:

– Осталось десять минут.

– Да, – кивнул Дрон и, нахмурившись, добавил по-чеченски: – Если ничего в пути не случится.

– Вася, у тебя такой акцент, что я с трудом понимаю, о чем ты говоришь, – не выдержал Габбро. – Еще ты слова меняешь местами. Лучше говори на русском.

– Хорошо, – улыбнулся Дрон.

Снизу раздался гул машин.

– Едут! – одними губами прошептал Москит.

– Ты туда, – показал ему рукой на заросли барбариса Дрон, – а я останусь здесь. Габбро, спустись ниже и правее. Сильно не маячьте на глазах и помните: у них патроны настоящие.

– Ты точно обоих успеешь положить? – недоверчиво спросил Габбро.

– С каких это пор ты мне не доверяешь? – Дрон ударил его в плечо: – Давай!
Они разошлись, каждый на свою позицию.

Дрон прошел к росшим от одного корня дубам, присел на корточки. До поляны, на окраине которой устроен тайник, не больше ста метров. Она с этого места хорошо просматривалась. Накануне, как только было решено, во избежание утечки информации, сразу после съемок уничтожить бандитов, он приезжал сюда с Филином. Они не только выбрали позиции для назначенных играть роль моджахедов спецназовцев, но и оговорили, на каких направлениях выставить охранение комендантского взвода, как в последний момент будут стоять Джин и Шаман относительно бандитов. Нужно было продумать каждую мелочь. Окажись кто-то на линии огня, и все пойдет насмарку. У Дрона почти нет шансов сменить позицию, его наверняка заметят. Нельзя было допустить, чтобы и за бандитами, которых он должен уничтожить, оказались свои.

Дрон вздохнул и лег на живот. Вынул из нагрудного кармана станцию, положил рядом и направил автомат на березку. Ее решили использовать как ориентир для Антона: он разместит бандитов и спецназовцев относительно этого дерева и тропы. Дрон прицелился, потом перевернулся на бок, убрал из-под себя веточку и снова лег.

Внизу захлопали дверцы, раздались голоса.

Вскоре на поляне появились двое бойцов. Озираясь по сторонам, они прошли выше по склону. Следом вышел Банкет. Оглядевшись, он задержал взгляд на деревьях, под которыми укрылся Дрон. Василий с трудом подавил в себе желание обозначить себя. Невысокого роста лейтенант с солдатом принялись разводять рядом с березой костер. Наконец Дрон увидел Антона. Командир был в маске. Стоя посреди поляны, он отдавал короткие команды, ни разу не посмотрев в его сторону. Вот появились и бандиты. Дружка Салауддина вели под руки. Дрон усмехнулся. Его усадили на прорезиненный коврик у костра, и Джин присел рядом.

Напротив опустил на одно колено офицер с фотоаппаратом и сфотографировал боевика в обществе переодетого спецназовца. Потом еще. Позади заставили встать Мухмата. Подошел Шамиль Батаев, черная борода капитана закрывала грудь.

Салауддин стал возмущаться:

– Зачем это? Вы хотите показать, какой трофеей попал к вам в руки?

Мухмат спросил его о чем-то.

В этот момент Антон слегка приподнял край маски, открыв нижнюю часть лица. Это был условный сигнал. Дрон скосил взгляд на солдата, которого так некстати понесло в кусты. Он стоял между его позицией и ямой, в которой укрылся Габбро. Хорошо, если боец сразу после выстрела ляжет. А если нет? Тогда обязательно увидит Дрона.

Тем временем события принимали неожиданный оборот. Салауддин отбросил автомат и вскочил:

– Эти шакалы...

Дрону ничего не оставалось, как стрелять. Он прицелился в грудь и надавил на спуск. Короткая очередь заставила всех отшатнуться от бандитов в стороны. Салауддин полетел на спину...

Мухмат удивленно посмотрел Дрону прямо в глаза, и тот еще раз надавил на спуск. Автомат привычно ударил в плечо. Бандит упал.

– Противник со стороны ручья! – раздался вопль.

Ожила лежавшая рядом станция:

– Дрон, отработал, уходи!

– Аллах акбар! – крикнул Габбро.

Дрон вскочил и бросился вниз по склону. В этот момент треснули очередями автоматы Габбро и Москита.

Три, четыре...

Дрон прыгнул в сторону, упал на спину и стал разряжать автомат короткими очередями в небо.

Сбоку раздался шум бегущего вниз человека. Дрон повернул голову и увидел Москита.

– Олень! – улыбнулся он и оглянулся назад. Их никто не преследовал.

Дрон поднялся и устремился следом. Перебежав дорогу, они спустились к ручью и повернули вверх по распадку.

В течение часа быстрым шагом, стараясь не издавать ни звука, уходили на север. Потом повернули вправо, перевалили хребет, спустились вниз и двинули в обратном направлении, в сторону равнинной части.

– Кажется, ушли, – вытер рукавом пот со лба Габбро.

– Ага, – усмехнулся Дрон. – Ты про вертолеты забыл.

– Филин обещал, что не допустит этого, – напомнил Москит.

– Будем надеяться. – Дрон перепрыгнул яму.

– Не пойму, зачем понадобилось убивать Салауддина? – неожиданно спросил Габбро.

– Он мог рассказать про то, что его использовали для внедрения, – ответил Дрон. – К тому же видел Шамана и Джина.

– Можно было держать этого шакала отдельно от остальных заключенных, – продолжал стоять на своем Габбро.

– Везде люди работают, – цокнул языком Москит.

– Кроме того, не факт, что он сядет или не выйдет через год. – Дрон поднял автомат выше и перешагнул лежащее поперек дороги дерево.

– Разве такое может быть? – не поверил своим ушам Габбро.

– Ты хоть и бывший сотрудник милиции, а с правосудием нашим, видно, мало знаком, – усмехнулся Дрон.

– Это точно, – поддержал его Москит. – Педофилов через одного амнистируют...

– Еще неизвестно, когда этот материал понадобится. – Дрон придержал ветку, дождался, когда ее перехватит шедший следом Москит. – Столько времени прятать двоих бандитов тяжело.

– Тогда, конечно, лучше так, – согласился Габбро. – Списать на своих, и все... Но не по себе как-то... Другое дело – в бою...

– Пройдет, – заверил Дрон.

Они перешли через ручей и стали подниматься в гору.

Глеб Васильевич Тихонов сидел за дальним столиком бара и в одиночестве пил водку. Пузатый графинчик наполовину опустел, однако голова по-прежнему была ясной, а так хотелось забыться... Вообще подобные этому заведения он посещал исключительно редко. Глеб Васильевич не был любителем выпить, да и работа не позволяла. Просто сегодня позвонил человек, представился Эдуардом Аркадьевичем и сказал, что может помочь. Назначили встречу здесь.

Глеб Васильевич опрокинул внутрь еще одну рюмку и некоторое время сидел, размышляя, удобно или нет он поступил, напиваясь перед встречей.

Прошло три дня, как они с женой потеряли сон и покой. Их единственного сына, студента МАИ Сергея Тихонова, сбила машина. Несмотря на большое количество свидетелей, показания которых подтверждались записями нескольких видеокамер, следствие топталось на месте. А все потому, что за рулем злополучного «Хаммера» сидел не простой смертный, а сынок Мартынова, крутого бизнесмена и чиновника в одном лице. Нет, тот не отрицает, что машина принадлежит сыну. Более того, уверен, что наезд совершен именно на ней. Только не был его сын в этот вечер за рулем, а проводил время с такими же балбесами, как и он сам, в ночном клубе. Сразу придумали некую Таисию, которая будто бы была с ними и в этот период времени

отсутствовала. На снимках, сделанных с записи камер видеонаблюдения, они все показали на одну и ту же девушку. Но она пришла в клуб задолго до того, как там появилась развеселая компания, а покинула его спустя час после трагедии. Молодые люди тоже пределов заведения не покидали. По крайней мере, об этом говорят факты. А они основаны опять же на показаниях свидетелей и видеоматериала службы безопасности клуба. Благо что на выходе из клуба видеокмеры. Но Глеб Васильевич не верил ни записи, ни заверениям Мартынова-младшего, ни показаниям «свидетелей», таких же «мажоров». Его давно удивляло отношение государства к так называемой элите. Дочь председателя избиркома сибирского города посреди дня сбивает на машине двух девушек – и получает условный срок. Сынок нефтяного магната, врезавшийся в стоявшую на перекрестке машину, которая отлетает и давит еще троих человек, становится в результате расследования всего лишь свидетелем дорожно-транспортного происшествия, а бедная девушка, оказавшаяся на его пути, получает срок и непомерные выплаты семьям погибших... Ни в одной стране мира нет такого. Даже в когда-то считавшейся дикой Африке.

Глеб Васильевич никогда не причислял себя даже к среднему классу, хотя был успешным инженером-конструктором секретного НИИ и имел в свои пятьдесят пять квартиру, дачу и машину. Правда, как выяснилось, до поры до времени.

«И как теперь жить дальше? Ради чего? – размышлял он. – Двадцать три года растили, лелеяли, учили быть порядочным, а какой-то Мартынов взял и покалечил. Просто так. Нет, я этого так не оставляю! – он стиснул зубы и ударил кулаком по столу, однако тут же сник. – А что я, собственно, могу? Только убить сына Мартынова. Разве это выход? Везде глухая стена. Сначала думал, что самая огромная беда – это сокращение штата лаборантов и помощников, в связи с оптимизацией бюджета на новые разработки. Оказывается, бывает еще хуже».

– Свободно? – раздался над головой чей-то голос.

– Занято, – покачал головой Глеб Васильевич.

– Кого-то ждете? – продолжал допытываться незнакомец.

– Какая разница? – Глеб Васильевич взял графинчик и налил себе водки.

– Есть разница, господин Тихонов, – сказал незнакомец, опускаясь напротив.

– Откуда вы знаете, как меня зовут? – спросил Глеб Васильевич и тут же спохватился:

– Так это вы?

Как он сразу не понял! Это и есть тот самый человек, который обещал помочь ему!

– С вашего позволения, я сяду, – уже расположившись на стуле, вздохнул незнакомец.

– Если мне не изменяет память, Курочкин Эдуард Аркадьевич? – Глеб Васильевич застыл в ожидании ответа.

– Не ошибаетесь, – кивнул мужчина и подозвал официанта.

Пока новый знакомый делал заказ, Глеб Васильевич пытался понять, что это за человек. Он опасался подвоха со стороны Мартынова, поэтому стал мнительным.

Курочкин не отличался ни ростом, ни комплекцией и носил очки. Сейчас их на нем не было, но об этом говорили два углубления на переносице и близорукий прищур.

– Мне очень жаль, – дождавшись, когда официант все запишет и уйдет, приятным голосом заговорил Эдуард Аркадьевич.

– Как все надоело, – кивнул Глеб Васильевич.

– Что именно? – Курочкин подался вперед, словно пытался заглянуть ему в рот.

Глеб Васильевич снова потянулся к стакану, но, вспомнив, что у собеседника даже нет рюмки, передумал:

– Одним – все, другим – ничего.

– Страна такая, – вздохнул Курочкин. – Сами виноваты, что сделали ее такой.

– Это точно, – согласился Глеб Васильевич.

– Ваш заказ. – Подошедший официант выставил перед Курочкиным тарелку с салатом и поставил на стол еще один графинчик с водкой.

– Вы говорили, что имеете желание помочь, – осторожно напомнил Глеб Васильевич. – Располагаете какой-то информацией?

– Давайте, за его здоровье, – вместо ответа проговорил Курочкин, плеснул себе, наполнил рюмку Глеба Васильевича.

Они выпили и немного помолчали.

– Глеб Васильевич, – снова заговорил Курочкин, – я в курсе всех несчастий, свалившихся на вашу семью. Наезду на сына предшествовал отказ от финансирования ваших разработок. На стадии чертежей и расчетов остались достаточно серьезные системы...

– А вы, простите, откуда знаете? – Глеб Васильевич уставился на собеседника захмелевшим взглядом.

– Ну, как? – Курочкин наколот вилкой оливку и отправил ее в рот. – Во многих зарубежных изданиях упоминается ваше решение по внедрению комбинированных схем запуска в систему «Коллапс» ракет «земля – воздух» и адаптации ее к кораблям.

– Что вы сказали? – У Тихонова от удивления даже нижняя челюсть отвисла. Он мотнул головой, решив, что ему показалось.

– Чем вы удивлены? – Брови Курочкина поползли вверх. – Я не ожидал такой реакции.

– Но, простите, ведь эти разработки засекречены... – прошептал Глеб Васильевич.

– Бросьте! – рассмеялся Курочкин. – Это для вас. По крайней мере, в этой стране они имеют такой гриф только потому, что руководство военного ведомства не заинтересовано в монополии России на производство изделий, подобных вашему. Они скрывают это от президента и народа. Поверьте, в Штатах и Европе пристально следят за работами гениального конструктора Тихонова. Более того, определенным кругам выгодно передавать информацию по работе над проектом иностранным разведкам. Как только там соберут и испытают ваше детище, Министерство обороны тут же заявит, что мы безнадежно отстали в этой области, и предложит закупать его у тех же американцев через Францию. Средств, как всегда, выделяют в сорок раз больше, чем на собственные разработки. А что, должны же у наших чиновников из министерства жены отдыхать на хороших курортах, а дети ездить на достойных машинах?

– Ездить на дорогих тачках, – словно эхо повторил Глеб Васильевич, в глазах его блеснули слезы.

– Извините, если сказал что-то не так, – заволновался Курочкин.

На самом деле Сэм умышленно затронул эту тему. Он долго и тщательно планировал разговор. В его работе нельзя допускать ошибок. Он особенный человек, с особыми полномочиями, и в случае прокола ему придется тяжело. Любая спецслужба мира сочтет за огромную удачу заполучить в свои лапы секретного агента специального отдела ЦРУ. Что по сравнению с ним Джеймс Бонд? Сценаристам даже не снилось, какие парни есть в великой Америке. Конечно, Сэму не дала природа той физической силы и доблести во взгляде, как отцу, бывшему «зеленому берету», – он пошел в мать, имевшую большую склонность к точным наукам и искусству. Зато ее интеллект и отцовская тяга к приключениям полностью воплотились в Алексе – так его звали после рождения. Потом он стал Рональдом, Майклом, Ричардом... Теперь вот – Сэм. Для его страны наступают тяжелые времена: имея огромный долг, она должна удержать свои позиции супердержавы. На фоне Китая и той же Индии делать это все сложнее. У Кейро тоже свой небольшой участок в этом огромном мире противоречий.

– Все равно, я не понимаю причины вашего интереса к моей персоне, – тихо сказал Глеб Васильевич.

– Что же. – Собираясь с мыслями, Курочкин прижал к губам салфетку, скомкал ее и бросил в тарелку. – Я – представитель крупного международного фонда, оказывающего помощь людям, которые по каким-то причинам не могут самореализоваться у себя в стране.

– Значит, вот оно что! – задумчиво пробормотал Глеб Васильевич.

– Как дела с сыном? – неожиданно сменил тему Курочкин.

- Вести разговор в этом русле становилось опасно. Все должно быть дозировано.
- Он в коме, – опустил взгляд Глеб Васильевич.
 - Что говорят врачи? – продолжал участливо расспрашивать Курочкин.
 - Шансы мизерны, – вздохнул Тихонов. – Жена слегла. Но можно попытаться перевезти его в Израиль. Только... – Он вдруг сник.
 - Что? – нахмурился Курочкин.
 - Как минимум, нужно сорок тысяч долларов, – выдохнул Глеб Васильевич.
 - В чем же вопрос? – сделал вид, будто не понял, Курочкин.
 - Как раз в них, – зло ответил Глеб Васильевич. – Разве не понятно?
 - Значит, я не зря сегодня попросил вас прийти сюда, – оживился Курочкин.
 - Почему? – удивленно протянул Глеб Васильевич.
 - Есть люди, которые очень заинтересованы в продолжении вашей работы, – внимательно следя за реакцией Тихонова, заговорил Курочкин. – И чтобы вы не останавливались, они готовы взять финансирование лечения вашего сына на себя.
 - Но проект закрыт! – воскликнул ученый.
 - Вам дадут лабораторию и выделят деньги. Вы сами наберете себе штат сотрудников...
 - Я понял, – помрачнел Глеб Васильевич. – Вы предлагаете мне стать предателем?
 - Вы им не можете стать.
 - Почему?
 - Вас самих страна предала.
 - Согласен, – кивнул Глеб Васильевич. – Но мне никто не даст возможности уехать из России.
 - Это уже не ваша забота. Вы же не хотите зла своему единственному ребенку?
 - Вы мне угрожаете?
 - Позвольте, вы сами только что сказали, что без денег его крайне сложно спасти...
 - Да, я именно так сказал. – Глеб Васильевич снова опустил голову.

Антон вошел в вестибюль санатория и огляделся. За стойкой, именуемой в новой России «ресепшн», никого не было. Гигантский фикус в деревянной кадке, раздвижная лестница у нелепой, обитой рейкой квадратной колонны и запах краски слегка портили первое впечатление.

- М-да! – вырвалось у вошедшего следом Дрона. – И это санаторий!
- Мы сюда не отдыхать приехали, – негромко напомнил Антон. – Да и не сезон еще.
- Кто-то пришел! – раздался откуда-то из глубины зала испуганный женский голос.
- Сиди, ты куда? – сказал второй, принадлежавший молодому мужчине.
- Я, вообще-то, на работе, – возмутилась девушка.
- Работа не волк, в лес не убежит! – хохотнул третий голос.
- Васька, руки! – строго одернула девушка.

Антон шагнул в сторону и увидел, как с одного из диванов, обтянутых черным кожзамителем, поднялась молодая женщина в зеленом платье с белым воротничком. Двое солдат остались сидеть, причем у одного из них на коленях лежал автомат. Антон знал, что санаторий охраняется российскими патрулями, однако не ожидал, что так.

– Здравствуйте! – приветствовала их крашенная в рыжий цвет девушка с размазанной по щеке губной помадой.

Антон кивнул и перевел взгляд на солдат:

– Где начальник патруля?

– А что случилось? – Солдат с автоматом на коленях вскочил со своего места и водрузил кепку на покрытую рыжей шевелюрой голову.

– Пока ничего, – покачал головой Антон. – Но при такой организации службы наверняка должно случиться.

– Мы отдыхаем, – не вставая, бросил дружок рыжего. – На территории второй патруль. – У него было круглое лицо, маленькие глазки и невероятно большая нижняя губа.

«Наверное, в детстве плаксивым был», – подумал Антон, а вслух спросил:

– Почему с оружием в помещении?

– Мы – охрана, – пояснил очевидное наглец.

Большинство отдыхающих здесь были либо военными пенсионерами, либо уволенными с военной службы по причине болезни или ранения. Антон с Дроном больше двух месяцев не стриглись, чтобы походить на эту категорию.

Антон оглянулся на Дрона.

Среднего роста, смуглолицый, с живым взглядом майор сразу понял командира. Василия хлебом не корми, дай поглумиться над людьми, тем более над теми, кто не до конца понимает, что поступает плохо.

– Василий! Тезка, не узнал? – Дрон бросил на пол баул, выпрямил перед собой руки и двинул к солдату с автоматом.

Недоумение на лице солдата сменилось радостью, потом снова недоумением. Он во все глаза смотрел на мужчину, явно лет на семь старше его.

– Ты что, не узнал? – продолжал Василий.

– Блин, нет, – смутился солдат.

– Но ты же Василий?

– Ну?

– Откуда родом?

– Смоленск.

– На какой улице живешь?

– На Школьной, – пробормотал вконец растерявшийся солдат.

– А я – на Гагарина. Ну, ты, Рыжий, даешь! А ну, вспоминай!

Дрон нагло врал. Про прозвище он догадался. Это легко, имя услышал, а улица Гагарина, как и Горького, Чкалова и многих других выдающихся людей, есть в любом областном центре.

– Вы с отцом работаете? – продолжал хлопать глазами парень.

– Нет. – Дрон положил ладонь правой руки на ствол автомата, левой отсоединил магазин и запустил им в голову сидящего на диване «плаксы». Раздался грохот и вскрик.

– Перебор, – поморщился Антон.

Тем временем, используя автомат в качестве рычага, Дрон опрокинул тезку на пол:

– Да не был я никогда в Смоленске, лох!

Со стороны показалось, что Дрон просто коснулся пальцами шеи припечатанного спиной к полу тезки, однако солдат словно умер. В это время опомнился «плакса» и вскочил с дивана. Держась за рассеченный магазином лоб, он бросился к колонне, у которой, как выяснилось, стоял его автомат. Однако Дрон оказался там быстрее и просто наступил ногой на ремень. Солдат схватил оружие за цевье, дернул и от неожиданности темечком врезался в колонну. Дрон не церемонился и в следующий момент двинул ему локтем в основание черепа.

Антон развернулся на звук неожиданно упавшего на пол тела.

– Этого нам еще не хватало!

Девушка от испуга рухнула в обморок.

– Нервы слабые, – констатировал Дрон, отсоединяя магазин от автомата «плаксы».

– Зря ты так. – Антон поставил на стойку свою дорожную сумку, подхватил девушку с пола и понес на диван.

Она открыла глаза и резко выпрямила руки, попав Антону в подбородок ногтями:

– Отпусти!

– Ожила! – обрадовался Антон и поставил ее на пол.

Девушка отскочила и испуганно уставилась на не подающих признаки жизни солдат.

– Вы их убили? – Ноги несчастной вновь подкосились.

Антон шагнул к ней и придержал за плечи.

– Они спят. – Дрон вынул документы «рыжего», быстро пролистал, сунул себе в карман. – Сама же слышала, что устали дежурить.

– Вы кто? – наконец догадалась спросить она. – Грузины?

– Угу, – подтвердил ее предположение Дрон. – Самые настоящие. – Он снял с ремня солдата подсумок и штык-нож. – Меня Гиви зовут, а его, – он показал взглядом на Антона, – Дато.

– В общем, так, – улыбнулся Антон, – скоро они придут в себя. Скажешь, что мы убежали. А пока дай нам ключи от номера. – И он протянул ей свое удостоверение.

– И не вздумай никуда сообщать, – предупредил Дрон.

Девушка с готовностью кивнула и бросилась за стойку.

Дрон закончил осматривать солдат, подошел к стойке и вывалил все изъятые.

– Девушка, вам нравится эта картина?

Она испуганно посмотрела ему через плечо и покачала головой:

– Нет.

– Так вот, если бы здесь появились те, от кого они охраняют это заведение, ты бы лежала рядом с ними, – перейдя на «ты», с нотками металла в голосе заговорил Дрон. – Только вы все были бы мертвы. Тебе нравится такая охрана?

– Нет.

– Поэтому сделай, как тебе сказали.

В отличие от фойе, где шел косметический ремонт, этажи уже сияли чистотой, везде, где только было возможно, стояли диковинные растения, звук шагов приглушали чисто пропылесосенные бордовые дорожки.

С трудом справившись с замком, дежурная по этажу пропустила Антона и Дрона вперед.

Номер был уютным. Две кровати с деревянными спинками, два стула, две небольшие тумбочки. У стены стол, на котором стоял чайный сервиз и электрический чайник. В углу, на холодильнике, телевизор. Обои с розовым рисунком, на паркетном полу ковер.

– Холодильник работает? – спросил Дрон и бросил сумку на пол.

– Конечно, – кивнула женщина.

– Нас все устраивает, – успокоил ее Антон. – Скажите, а когда официально начало купального сезона?

– Да есть уже смельчаки, – пожалала она плечами. – Если погода хорошая, с середины апреля можно.

– Телевизор тоже работает? – спросил Дрон, заглядывая в душевую.

– Да, – сказала женщина и добавила: – Еще вопросы есть?

– Нет, – щелкнув выключателем, ответил Антон.

– Тогда приятного отдыха. – И с этими словами дежурная покинула номер.

Антон вышел на балкон, уперся руками в перила и посмотрел вниз. Перед входом в здание шаркала неким подобием метлы полная женщина. Асфальт был весь в глубоких трещинах, однако парковая зона выглядела ухоженной. После промозглой и слякотной Москвы радовало глаз обилие зелени: пальмы, кипарисы, вдоль дорожек подстриженные на одинаковую высоту акации. Ярко светило солнце. Со стороны моря дул легкий ветерок. Рай, да и только.

Неожиданно внизу раздался грохот и протяжный вопль, и женщина с метлой шарахнулась от крыльца. По ступенькам кубарем скатился «рыжий». Кепки на нем не было. Волоча за ствол автомат, он устремился в сторону ведущей к морю лестницы. Следом вылетел его дружок. Антон усмехнулся и вернулся в комнату.

Дрон сидел на кровати и вынимал из стоявшей на полу между ног сумки вещи, которые укладывал в тумбочку.

– С патрулем перебор, – сказал Антон.

– Я так не считаю. – Дрон бросил в выдвижной ящик пенал с туалетными принадлежностями. – Эти уроды должны обеспечивать безопасность, но не хотят. Таких учить надо.

– Я не против этого, – согласился Антон. – Только не забывай: мы не должны привлекать к себе внимание. И так приезд четверых здоровых мужиков, да еще задолго до сезона, выглядит нелепо.

– Может, у нас гей-конгресс здесь, – хохотнул Дрон.

– Дурак, – вздохнул Антон и тоже стал разбирать вещи.

Три дня назад группа спецназа ГРУ подполковника Филиппова получила задание скрытно пересечь границу с Абхазией и под разными предлогами обустроиться в районе Нового Афона. Поводом послужили участвовавшие случаи нарушения со стороны Грузии границы, причем не одиночками, а целыми группами хорошо подготовленных диверсантов, которых готовили вблизи Зугдиди. Российские пограничники уступали подобным подразделениям, на стороне которых были внезапность, хорошее знание местности, скрытность. Они широко применяли засады, умело маскировались под местных жителей. Их численность, в десять-двенадцать человек, вдвое превосходила наряды и патрули. По уровню подготовки грузинские спецназовцы уже могли составить конкуренцию аналогичным подразделениям большинства европейских государств. В связи с этим командование приняло решение использовать одну из групп спецназа ГРУ.

Прошло около получаса. Дрон, держа в руках пульт дистанционного управления, «листал» телевизионные программы, когда снизу донесся звук подъезжающей машины и скрип тормозов. Захлопали дверцы, раздались крики.

– Началось, – проворчал Дрон и посмотрел на часы: – Однако быстро, почти тридцать семь минут. Можно всех отдыхающих два раза лишиться жизни и спокойно уйти.

– Зря ты так, – возразил Антон. – Служба здесь организована нормально. Таких вот козлов – единицы. Остались без старшего и сразу расслабились.

– Не выходя на балкон, могу сказать, что приехал комендант или, как минимум, дежурный помощник военного коменданта, – не унимался Дрон. – За это время можно половину Абхазии проехать.

– Думаю, бойцы сначала привели себя в порядок, потом придумали легенду, а уже потом отправились докладывать, – отстаивал свою точку зрения Антон.

Послышались шаги сразу нескольких человек и торопливый женский голос, принадлежавший рыжей девушке с ресепшн. Тут же раздался стук в дверь.

– Кто? – не вставая с кровати, спросил Антон.

– Помощник военного коменданта Платонов.

– Чем обязаны?

– Это по поводу патруля. Предлагаю сдать оружие и выйти с поднятыми руками.

– Вот дают! – скорчил удивленную гримасу Дрон.

– У нас оружия нет, – ответил Антон, направляясь к дверям, – только боеприпасы, которые мы забрали у нерадивых солдат. Зачем им они? – И с этими словами открыл двери.

Отбросив его к стене, в комнату ворвались сразу четверо милиционеров и военный в полевой форме с погонами старшего лейтенанта. Антона ловко развернули лицом к стене и прижали.

– Глупо, – выдохнул он.

– Где магазины, штык-ножи и военные билеты? – строго спросил кто-то с кавказским акцентом.

– Вон, сзади тебя лежат в углу, – простонал Дрон.

Антон повернул голову. Двое милиционеров повалили Василия на кровать и завернули руки. Конечно, если он сейчас захочет, то легко освободится. Но только зачем? Они же сюда не приемы самообороны и нападения приехали показывать.

– Вы что, вместо отдыха хотите дебоширить? – лейтенант замолчал, по-видимому, подумал, что до сих пор не знает, с кем разговаривает.

– Ой, как больно! – простонал Дрон, при этом на его лице не было ничего, кроме иронии.

– С какой целью приехали?

– Лечиться, – за двоих ответил Дрон. – У него вон с головой не в порядке, две контузии. Он, кстати, и солдат ваших разоружил. А у меня гастрит...

– Если у него так плохо с головой, пусть его в психушке сначала лечат, а уж потом в санаторий отправляют, – заметил один из милиционеров.

– Лечили, – кивнул Дрон. – Теперь необходим реабилитационный период...

– Документы, пожалуйста, – уже более миролюбиво попросил лейтенант.

Дрона отпустили. Он протянул руку к тумбочке, однако один из сотрудников неожиданно снова схватил его за запястье и сам потянул за ручку выдвижного ящика.

– Слушайте, если бы мы были грузинскими диверсантами, то наверняка после всего уже давно бы ушли, – не выдержал Антон.

– А сколько времени прошло с того момента, как вы встретились с патрульными? – неожиданно оживился старлей.

– Вы приехали через тридцать восемь минут, – с готовностью ответил Дрон.

– Так, – протянул старлей. – А где эти два клоуна все это время были?

– Мы, как в себя пришли, сразу к вам, – раздался из коридора плаксивый голос.

– Не врать! – строго сказал Дрон, напоминая воспитателя детского сада. – Я засекаю время от того момента, как вы покинули территорию.

– Значит, инвалид второй группы? – с уважением протянул офицер, изучая пенсионное удостоверение Дрона.

– Да, – кивнул майор.

– Все равно, это не дает вам права так поступать. – Старлей вернул Дрону документы. – А вообще это было усиление. Оба солдата должны были еще утром отправиться в расположение части. Дежуривший с ними ночью прапорщик ушел, а они решили немного побалдеть.

– Побалдели, – констатировал Антон и с усилием обернулся: – Мне долго еще так стоять?

– Отпусти его, – приказал полный милиционер своему коллеге.

То ли на того подействовали слова Дрона о невменяемости, то ли просто туго доходило, но он еще некоторое время продолжал удерживать завернутую за спину руку.

– Может, хватит? – не выдержал Антон.

Сержант отступил на шаг.

– Хорошо, будем считать, инцидент исчерпан, – вздохнул старший лейтенант. – Только просьба: больше так не делайте. Есть телефон, если что не устраивает, звоните. Здесь прямая связь и с милицией, и с нами. Лечитесь. – И он с опаской посмотрел на Дрона, глупо тарашившегося в стену.

Глава 2

Вахид Джабраилов проснулся от лая собаки. Он открыл глаза. Уже рассвело. В окно, словно хвастаясь своим весенним нарядом, заглядывали одетые в зеленые листочки ветки деревьев.

– Кто-то пришел, – то ли спросил, то ли констатировал Шаман.

– Может, милиция? – выдвинул предположение Вахид и потрогал голову, словно проверяя, на месте ли она у него.

– Все может быть. – Шаман свесил с кровати ноги и встал.

– После чачи затылок болит, – приподнялся на локтях Джин.

– Не надо было пить, – поскреб волосатую грудь Шаман.

– Как тут не выпьешь? – насмешливо спросил Вахид. – Сам видел, абхазы считают оскорблением, если отказался за стол сесть. Ты лучше посмотри, из окна видно калитку.

Когда неделю назад они договаривались с хозяином дома об оплате, он намекнул, что участковый ревниво следит за приезжими нерусской национальности – во всех видят грузинских шпионов и диверсантов, но до сих пор представитель власти их так и не навестил.

Шаман уперся руками в стол, выглянул во двор и тут же отпрянул:

– Точно, милиция!

– Сколько? – Джин резко сел на кровать.

– Двое, – натягивая штаны, ответил Шаман. – Капитан и один в гражданке. Наверное, опер.

Хлопнула входная дверь, послышались шаги и голоса. Ни Джин, ни Шаман не понимали абхазского языка. Оба, под видом обыкновенных коммерсантов, накануне пересекли границу со стороны России на машине, причем на законных основаниях и по российским паспортам.

Для приличия дважды стукнув в дверной косяк, первым в комнату с опаской заглянул хозяин. Будто убедившись, что у гостей нет никаких нехороших намерений, кивнул:

– Доброе утро! Обычная формальность, – и показал рукой назад: – Тут милиция пришла. Не волнуйтесь, так заведено. Сами знаете, совсем недавно война была. – Сухощавого, с абсолютно седой головой абхаза звали Гызмал Пилия.

– Пусть заходят, – хмыкнул Джин, доставая из кармана кожаной куртки паспорт, – мы не кусаемся. Или тут, как в России, если чеченец, значит, террорист? – громко, чтобы было слышно в соседней комнате, добавил он.

– Здравствуйте! – Широкоплечий милиционер в форме старшего лейтенанта протиснулся боком между щуплым хозяином и стеной.

Джин протянул документы.

– С какой целью в Абхазии?

– Бизнес.

– А точнее? – углубившись в изучение паспорта, спросил милиционер.

– У моего родственника в Москве гостиницы, – стал объяснять Джин. – Конечно, небольшие, но дела идут неплохо. Вот он и отправил меня узнать здесь обстановку. Хочет выкупить небольшой пансионат.

– И как, нашли что-нибудь? – поинтересовался милиционер. – Мне сказали, вы часто ездите вдоль побережья.

– Просто изучаем местность, присматриваемся, – пояснил Джин. Он не удивился, что милиционер пришел лишь спустя неделю. Так бы и он на его месте поступил. Сначала изучил, что представляют собой люди, какие у них планы, кто знакомые. Через хозяина дома, где они поселились, и другую агентуру выяснил бы имена и фамилии, пробил по базе. Пугать своим

визитом в первый же день нет смысла. Если человек приехал с нехорошими намерениями, это его насторожит. А так – пусть сначала считает, будто о нем еще никто не знает.

– Среди чеченцев много хулиганов, – прищурившись, сказал старший лейтенант и вернул паспорт.

– Не без этого, – согласился с ним Джин. – Но сейчас уже не те времена, когда все решают на «стрелках».

– Вы не подумайте, здесь хорошо относятся ко всем, кроме грузин. Мы помним, как чеченцы воевали в Осетии. Здесь тоже было много из ваших мест.

– Мои земляки были и на другой стороне, – напомнил Джин о Гелаеве, с помощью которого грузинские военные в свое время планировали прорваться к Сухуми.

– Всего хорошего. – Милиционер не стал проверять паспорт Шамана и развернулся к выходу.

– Как всегда, мое лицо ему не понравилось, – констатировал Джин.

Он был на полголовы выше Шамана. Строгий, исподлобья, взгляд, сросшиеся на переносице густые брови и массивный подбородок добавляли свирепости. Немудрено, что, в случае встречи с милицейским нарядом, зачастую именно из-за внешности Джина у всех требовали паспорта. Всего в группе было три чеченца. Гайрбек Куциев, по кличке Габбро, тоже пришел из МВД Чеченской Республики. Как и Джин с Шаманом, он подвергся жесткой проверке. Сейчас, вместе с доктором группы Ринатом Гайнулиным, он обосновался в Кандыге. У них легенда была немного другой. Они разыскивали брата Рината, который якобы уехал месяц назад навестить служившего здесь племянника и пропал. Аналитический отдел использовал для легенды реального человека. Как и Ринат, он был татарин. Следы тридцатилетнего жителя Казани действительно терялись в этих краях. Против него возбудили уголовное дело, так как местные силовики не исключали, что он незаконно пересек границу с Грузией и примкнул к проживающим там радикалам.

Остальная часть группы рассредоточилась по многочисленным курортам и пансионатам.

Джин едва успел умыться и вернуться в комнату, как младший сын хозяина пригласил на завтрак. Они с Шаманом прошли на веранду. Сам домик был намного меньше крыши, которую по периметру придерживали столбы. Здесь стояли несколько столиков. Один был накрыт на троих.

– Проходите! – Из сада по ступенькам поднялся хозяин, на ходу вытирая руки висевшим через плечо полотенцем.

Дождавшись, когда гости усядутся, он устроился напротив Джина и, беря в руку ложку, вздохнул:

– Вы уж не обижайтесь на Дочиа, работа у него такая.

– Это имя участкового? – не сразу понял, о ком речь, Шаман.

– Да, – подтвердил Гызмал.

– Он мингрел? – отправив в рот ломтик лепешки, спросил Джин.

– Как догадался? – оживился хозяин.

– По фамилии.

– Ты прав, – кивнул хозяин. – А вот оперативный сотрудник с ним – абхазец.

– Ладят?

– А как же? – удивленно воскликнул хозяин.

– Мингрелы – это те же грузины, – на всякий случай заметил Шаман.

– Это в России так считают, – возразил хозяин. – Есть разница.

Джин принялся за мамалыгу, обильно политую акутом¹. Появился подросток, который поставил на середину стола чашку с курицей в аджике.

¹ Кукурузная каша с фасолевым соусом.

- Сын? – спросил Джин, когда мальчуган удалился.
- Племянник, – с грустью посмотрев ему вслед, вздохнул хозяин. – Брата моего сын. Погиб еще в начале девяностых. Страшная война была...
- Я слышал, – кивнул Джин, по-хозяйски разламывая руками курицу на части.
- Когда сегодня пришел участковый, вы сказали, будто собираетесь купить здесь гостиницу, – неожиданно сменил тему разговора хозяин.
- Разве нельзя? – Джин стал вытирать руки о лежащее на коленях полотенце.
- Как-то не похоже это на вас, – набравшись смелости, заметил Гызмал.
- Почему? – удивился до этого молчавший Шаман.
- Не мое, конечно, дело, – ответил хозяин. – Может, вы просто решили переждать здесь какие-то проблемы?
- Если так, то выгонишь? – насмешливо прищурился Джин.
- Он знал: сейчас, после зимы, до наступления курортного сезона абхазы, жившие за счет туристов из России, будут рады любому квартиранту.
- Нет, почему? – заволновался Гызмал. – Живите сколько хотите. Только имейте в виду, я многое могу. Есть связи. Надо съездить в Грузию – пожалуйста.
- Как это? – переглянулся с Джином Шаман.
- Да просто, – повеселел Гызмал. – У вас на машине российские номера, а я вам достану грузинские и абхазские. В Рухи поехать можно. Только с нашей стороны с абхазскими номерами, а на мосту через Ингури поменяете их на грузинские.
- А как же пограничники? – сделал вид, что удивился, Джин.
- Главное, чтобы документы были в порядке. Скажете, родственники там остались. Вы давно в Россию уехали, вот вернулись проведать. Те, кто в Гальском районе живет, часто ездят туда-сюда. Это у политиков война, простые люди всегда способ найдут, как выживать.
- Появившийся племянник убрал со стола чашки. Следом вышла жена Гызмала. Джин уже знал, что ее зовут Наала. Она поздоровалась, вытерла стол. Подросток принес чай.
- Знаете, как переводится мое имя на русский? – разливая чай по чашкам, спросил Гызмал.
- Хитрец, – сказал Шаман и улыбнулся.
- Откуда знаешь? – Лицо Гызмала вытянулось от удивления.
- Так сам рассказал, – покачал головой Джин. – Это все чача.

Елозя спиной по мелкой гальке, Лаша пытался сбросить с себя осетина, но тот продолжал цепко держать его за горло. «И откуда у этого доходяги столько сил?» – с ужасом подумал Лаша. Глаза разъедал дым горевшего сарая, в горле першило. Лаша из последних сил начал работать руками и ногами, отползая назад, пока не уперся теменем в стену. Осетин на мгновение ослабил хватку. Воспользовавшись этим, Лаша выпрямил руки и сел. Однако осетин снова схватил его за горло и надавил сильнее.

– И-иих! – втянул Лаша воздух, понимая, что это конец. Зачем он вошел во двор этого дома?!

Неожиданно асфальт под ним провалился, и он полетел в бездну, теряя сознание, а когда пришел в себя и открыл глаза, оказалось, что он сидит на заваленном штукатуркой и обломками мебели полу, прислонившись спиной к стене. Надетый под спортивную куртку разгрузочный жилет, по карманам которого были рассованы пистолет, нож и магазины к автомату, стеснял дыхание, отчего Лаше и приснилось, что его душат.

– Фу! – выдохнул он, радуясь, что умер лишь во сне.

– Что с тобой? – стоявший в простенке между окон Гургени Микадзе слегка наклонился и участливо заглянул ему в глаза.

– Сон страшный приснился, – Лаша взял лежащий на коленях «АКМ», упер его в пол откинутым прикладом и стал вставать. На пол полетели прилипшие к ткани кусочки кирпича. От долгого нахождения в одном положении ноги затекли, поэтому, вставая, он сморщился от боли – по венам от кончиков пальцев будто устремились вверх миллионы мелких муравьев с железными лапками.

– А мне сны не снятся, – подал голос лежащий в соседней комнате Бахва. – А что тебе приснилось?

– Война, – лаконично ответил Лаша.

– А почему не рассказываешь? – не унимался Бахва.

– Зачем?

– Так. Интересно, все равно делать нечего.

– Я в Осетии в одной деревне во двор забежал, а там пятеро осетин. Все с автоматами. Думал, убьют. Ополченцы...

– И что? – раздались шаги, и в дверном проеме появился Бахва. Среднего роста, с огромным носом грузин тоже был одет в спортивный костюм и защитного цвета ветровку. Как у остальных бойцов диверсионной группы, под одеждой был разгрузочный жилет с карманами под магазины, заметно всех полнивший.

– Я тогда срезал их двумя очередями, – стал врать Лаша.

– Правда? – недоверчиво спросил Гургени.

– Ты лучше в окно смотри, – строго нахмурил брови Абесалом Ходжава, командир группы, устроившийся под подоконником окна напротив.

– Я смотрю, – обиженно надулся Гургени, присел и выглянул наружу.

– Что дальше? – спросил Бахва.

– Ничего, – отмахнулся Лаша.

Ему неприятно было вспоминать тот день. На самом деле все было не так. Он вбежал во двор дома следом за девочкой лет десяти. Она убежала, неся в руке какой-то сверток. Лаша теперь даже мыслей стыдился, которые роились тогда в его голове. Заскочив в открытую калитку, он успел заметить, как девочка вбежала в сарай. Лаша остановился, не решаясь войти следом, ведь там могли быть ее родители. Он достал гранату и метнул ее в небольшой пролом, образовавшийся от попадания снаряда. Взрыв приподнял крышу, после чего она с треском провалилась вовнутрь. Раздались крики о помощи. Лаша развернулся и вдруг налетел на невестку откуда взявшегося старика. Тот вцепился ему двумя руками в горло и уронил на землю. Лаша забыл тогда про оружие. Он выронил автомат и схватил старика за запястье. На какое-то время его охватил ужас. Он увидел перекошенное ненавистью лицо, закопченный подбородок, седую щетину и протяжно и жалобно завывал. Неожиданно старик вздрогнул и упал на него сверху. Лаша выбрался из-под него и головой чуть не ткнулся в живот Михаилу.

– Ты что, не можешь со стариком справиться? – скривился в презрительной улыбке Мико. Приходя в себя, Лаша подобрал автомат.

– Не знаю, вырос как из-под земли.

– Добей его, – приказал Михаил, поворачиваясь к калитке.

Лаша расстрелял лежащего на земле старика и устремился вслед за Мико. Через час его спасителя не стало. На соседней улице они нарвались на русских, и его почти в упор убили. Лаша тогда не стал открывать огонь, чтобы спасти друга. Он просто убежал. Хорошо, что так случилось, иначе бы Мико рассказал потом, как старик едва не задушил молодого Лашу.

– Сколько лет этому дому? – неожиданно отвлек его от размышлений Гургени.

– Отец строил, когда мне был год, – вздохнул Лаша и еще раз оглядел родные стены.

– Если бы не война, ты бы сейчас здесь жил? – продолжал засыпать вопросами Гургени.

– Не знаю. – Лаша зевнул, подошел к нему и встал рядом. – У меня еще два брата и сестра.

За окном росли уже одетые в листву яблони и тополя. Соседний дом, в котором когда-то жили его тетя и дядя, был разрушен до основания. Лаша вздохнул. Сегодня ночью он вернулся в родные края уже в составе диверсионной разведывательной группы и вынужден прятаться в собственном доме от русских пограничников и осетинских милиционеров. Почему так? Пятнадцать лет назад его семья покинула это село и ушла в Грузию. Много воды утекло с тех пор. Лаша закончил в Ингири школу, а через месяц его за драку задержала полиция. Отделался взяткой. Потом попал серьезнее и провел в тюрьме год – снова за драку. Избил армянина. Едва оказавшись на свободе, встретился со своим другом Вахтангом. Тот занимался тем, что вымогал деньги у торговцев. Однако за время, пока Лаша был в тюрьме, многое изменилось. Президент, на фоне нищеты и безработицы основной массы населения, не жалел денег на силовые структуры, прекрасно понимая, что только в этом залог незыблемости его бездарного правления. Полиция преобразилась, и народ стал ей больше доверять. Поэтому результат не заставил себя ждать. Среди ночи позвонил брат Вахтанга и сказал, что его задержали. Лаша не стал испытывать судьбу и убежал в Абхазию. Здесь, на родине, оставалось еще много грузин и просто знакомых. Нежелание жить честным трудом, в совокупности с повальной безработицей, сделали свое дело.

Через пару месяцев он уже сколотил небольшую банду и успешно грабил отдыхающих. Вернуться в Грузию вынудила смерть отца. Там-то его и взяли. Лаша уже приготовился провести пару лет в тюрьме, как неожиданно ему предложили работу. И не где-то, а в одном из структурных подразделений МВД Грузии. Лаша с ходу согласился. Последующий год оказался ему настоящим адом. В секретном лагере далеко в горах его и еще несколько десятков парней тренировали, обучали военным премудростям инструктора из Украины, США, Англии и Израиля. Потом началась война в Осетии. Из всей группы ему повезло больше всех: он не только уцелел, но ни разу даже контужен не был. После ее окончания попал в Зугдиди. Два года прошли в напряжении и в постоянных занятиях. Они освоили много новых специальностей. Долгое время изучали водолазную подготовку, прыгали с парашютом. В промежутках между учебой провели еще несколько операций, в основном имевших чисто разведывательный характер. Изучали состояние абхазской границы, маршруты и график патрулирования, количество единиц техники, расположение узлов связи и мест компактного проживания семей пограничников. Но месяц назад группу, в которой служил Лаша, стали готовить к выполнению более серьезной задачи. Теперь им предстояло работать не в приграничной зоне, а пройти в глубь территории и совершить диверсию.

– Русские! – Голос Гургени заставил Лашу присесть.

В соседней комнате раздался звук упавшего на пол автомата и торопливые шаги.

– Почему шумишь?! – зло прошипел Абесалом, пробираясь на четвереньках к окну, у которого стоял Гургени.

Лаша устремился к дверям. Там определил ему место командир, на случай внезапного появления пограничного наряда или милиции. Осторожно присев на корточки, он выглянул наружу, и его сразу обдало жаром. Прямо к дому направлялись трое пограничников, на заросшей травой дороге стояли еще несколько человек.

– Козлы! – в сердцах вырвалось у него. – Нас заметили!

Лаша вспомнил, как на рассвете, невзирая на предупреждение, Гургени сходил по нужде в разросшиеся вдоль развалившегося забора кусты. Ему говорили, что вокруг на высотах дома абхазов. Люди здесь встают рано и могут его увидеть, а сейчас любой в приграничной полосе вызывает подозрение.

– Гургени, это твой косяк! – в подтверждение его мыслей, зло бросил Ради.

– Всем внимание! – заговорил Абесалом. – Слушайте мой приказ. Гургени и Савле, оставайтесь. Мы, прикрываясь домом, отходим к следующему. Вы подпускаете пограничников ближе и открываете огонь. Пока они разберутся, что к чему, быстро догоняете нас.

– Почему нужно оставаться двоим? – неожиданно возмутился Савле. – Один Гургени справится.

– Как вы будете отходить? Один другого должен прикрывать!

Пограничники были уже совсем близко, можно было различить даже обрывки фраз. Лаша стал пятиться назад. Под ногой хрустнул обломок чашки.

– Тише! – цыкнул Абесалом.

Диверсанты начали быстро уходить. Неожиданно Лаша понял, что это новый шанс стать героем и при этом выжить. Он воровато оглянулся назад. Из соседней комнаты вышел и, пригибаясь ниже подоконников, к окну крался Хакута Нижарадзе. Он спал на гряде тряпья, сваленного в углу гостиной, и теперь, хлопая длинными ресницами, тарасил воспалившиеся после сна глаза и выглядел испуганным. Отчего-то именно это подстегнуло Лашу к действиям. Он развернулся и шагнул к дверям. На это никто не обратил внимания, все столпились у единственного выходящего в тыл окна. Лаша встал у двери, снова и снова проигрывая в голове варианты развития событий. Он был уверен: пограничники, уставшие от частых сообщений о подозрительных людях, давно расслабились и наверняка думают, что в лучшем случае застанут здесь жителей из соседнего села, которые разбирают на доски полы или снимают рамы. Гургени стоял у окна в комнате. Наверняка пограничники войдут именно через дверь. Здесь их и встретит Лаша, а потом спокойно уйдет. Ведь его обязательно прикроют.

В окно, выходящее на другую сторону, уже выбрался Эзра Панаскертели. Следом за ним устремился Абесалом.

– Бомжи, наверное, – раздался чей-то голос.

– Все равно проверить надо, – ответил другой.

Послышались отчетливые звуки шагов.

– Пятый раз за неделю сюда выезжаем, – продолжал сетовать один из пограничников. – Достало. Снести здесь все давно надо...

– Да хоть сотый, – одернул его напарник. – Работа такая.

– Лаша, ты почему не уходишь? – удивленно прошептал Гургени.

– Тихо, там кто-то есть! – раздался окрик.

Лаша понял, что один из пограничников уже поднимается по ступенькам крыльца. Он высунулся из-за косяка, одновременно щелкнув предохранителем, и надавил на спуск. Все как на тренировке – не целясь, в силуэт. Словно в замедленном кино, идущий первым сделал шаг в сторону, закрыв собой оставшихся двоих. Лаша отпустил курок. Он отчетливо видел, как пули вошли в грудь и живот. Однако полковник ухватился за перила и продолжал стоять. Двое шедших следом военных вскинули оружие.

– Отойди! – зло крикнул Лаша и снова надавил на спуск.

В ответ раздалась автоматная очередь. Офицер начал медленно заваливаться на бок. Гургени и Эрза не стреляли. «Неужели сбежали?» – ужаснулся Лаша и бросился прочь.

В этот момент в комнате грохнули сразу два автомата. Он влетел туда и боковым зрением успел заметить, как Гургени упал на спину и, схватившись за живот, закрутился на полу.

Когда Лаша перемахнул через подоконник, группа уже скрылась за руинами соседнего дома. Не оглядываясь назад, подхлестываемый треском очередей, он устремился следом. От протяжного, полного отчаяния воя раненого Гургени стыла в жилах кровь. Лаша отбросил мешавший бежать автомат и припустил со всех ног.

Глеб Васильевич оглянулся по сторонам, потом кашлянул в кулак и нерешительно стукнул в дверь. Ему никто не ответил. Он посмотрел на секретаршу. Со скучающим видом девушка водила по столу компьютерной мышкой.

Глеб Васильевич вынул платок, помял его в кулаке и еще раз постучал.

– Мужчина, – секретарша окатила Тихонова осуждающим взглядом, – я же сказала, приходите! Чего стучать? Там еще дверь, все равно ничего не слышно.

– Спасибо! – кивнул Глеб Васильевич и неожиданно понял, что забыл имя-отчество помощника заместителя министра.

– Николай Егорович или Егор Николаевич?.. Что я несу! – опешил он. Память на имена и числа у него была отменной. С чего бы это вдруг забыл?

– Привет, Галочка! – Приемную заполнил высокий, статный мужчина с благородным лицом и сединой на висках. Лацкан его пиджака украшал депутатский значок. – Анатолий Николаевич у себя?

– Точно! – вырвалось у Тихонова. Он взялся за ручку двери, но депутат бесцеремонно подвинул его в сторону и сам вошел в кабинет.

– Чего же вы стоите? – рассердилась секретарша.

– А что мне делать? – Глеб Васильевич стушевался, будто перед ним не девушка, моложе его как минимум в три раза, а премьер-министр.

– Теперь долго ждать придется. – Она подперла кулачком подбородок и покосилась на часы. – Пока весь коньяк не выпьют, не разбегутся.

– А много его у них? – с наивностью первоклассника спросил он.

Девушка не ответила и вновь направила свой взор в монитор.

Двери внезапно открылись, и Тихонов от неожиданности вздрогнул.

– Галочка, меня ни для кого нет! – Круглолицый, с большими залысинами коротышка вновь исчез за массивной дверью.

– А как же я? – растерялся Глеб Васильевич.

Он первый раз у начальства такого высокого уровня. Обычно общение с курирующим институт чиновником было прерогативой директора. В крайнем случае его зама или генерального. На этот раз Тихонову предложили попытаться решить вопрос самостоятельно.

Осторожно ступая, он прошел к стене, опустил на стул, на котором сидел с утра, и пробормотал:

– Никогда за себя не просил.

– Когда-то надо начинать, – не отводя взор от монитора, заметила секретарша.

Идея просить помощника заместителя министра ходатайствовать по поводу самолета МЧС принадлежала не ему, сам бы он не догадался. Ее подсказал один из аспирантов. Он был в курсе событий и спросил, как состояние сына. Глеб Васильевич сказал, что все упирается в транспортировку сына в Израиль.

– Так ведь у МЧС имеются специальные самолеты! – воскликнул тогда аспирант. – Вот как раз подходящий случай.

– Точно? – не поверил своим ушам Тихонов.

– Точнее некуда, так что идите сразу к генеральному.

Однако генерального визит Тихонова удивил. Он долго пытался выяснить, откуда у конструктора деньги на столь дорогостоящее лечение. Глеб Васильевич стал сбивчиво упоминать друзей, кредит, который спешно оформляла под залог дачи жена, продажу машины. В конце концов поняв, что от него требуется, генеральный порекомендовал обратиться лично к помощнику заместителя министра.

«Голубчик, поймите, – жеманно потирая руки, вздыхал он. – Кто, как не убитый горем отец, может растопить очерствевшее сердце Анатолия Николаевича?»

За окном уже темнело, когда дверь открылась, и депутат, наконец, вышел из кабинета. Его пиджак был расстегнут, галстук ослаблен.

– Прекрасный кофе готовите, Галочка! – громко похвалил он секретаршу. – Не желаете ли сменить обстановку?

– В смысле? – зарделась девушка.

- В прямом, – навис он над столом. – Предлагаю работать у меня.
- Извините... – Глеб Васильевич попытался из-за спины законодателя обратить внимание девушки на себя, чтобы узнать, можно ему войти или нет.
- Но та разомлела от вида похожего на медведя мужчины и его предложения.
- В это время из своего кабинета вышел Анатолий Николаевич. Он был в плаще и шляпе, в руках портфель – этакий стереотип номенклатуры.
- Галочка, я на совещании у министра...
- Позвольте, – шагнул ему наперерез Глеб Васильевич.
- Что еще? – нахмурился чиновник.
- Я по личному...
- По личному – пятница, – отрезал чиновник, норовя обойти Глеба Васильевича.
- Невозможно ждать до пятницы. – Глеб Васильевич преградил ему дорогу и сложил руки лодочкой на уровне груди.
- Но я занят! – побагровел чиновник.
- Да прими ты человека! – неожиданно загремел басом депутат. – Он тут под дверями торчал еще до меня. Я думал, так...
- Хорошо. – Чиновник нехотя развернулся и направился в кабинет.
- Я... у меня... В общем, – семеня следом, пытался начать говорить Глеб Васильевич.
- Ну. – Чиновник встал у стола, поставил на него портфель, положил рядом шляпу и приготовился слушать.
- Моего сына сбила машина! – выпалил наконец Глеб Васильевич.
- Так, – протянул чиновник и наморщил лоб. – Если мне не изменяет память, вы – Тихонов.
- Да, – часто закивал головой Глеб Васильевич, обрадованный таким оборотом дел.
- На совещании у министра этот вопрос поднимался, – сложил на круглом животике руки чиновник. – Что же вы не смотрите за своими чадами? Жаловались, что платят мало, а как добавили, так дети по ресторанам...
- Мой сын...
- Ладно, – отмахнулся чиновник и посмотрел на часы. – Что хотели? Насколько я в курсе, все обошлось?
- Да, – кивнул Глеб Васильевич. – Вернее, нет. Не совсем...
- Быстрее! – поторопил чиновник, теряя терпение.
- Он до сих пор в коме. Нужна операция. Очень сложная. – Глеб Васильевич втянул носом воздух. – Таковую могут сделать только в Израиле.
- А я здесь при чем? – оторопел чиновник.
- Деньги мы найдем, – догадавшись, что насторожило чиновника, поспешил успокоить его Глеб Васильевич. – Но вот чтобы отвезти его туда, необходим специальный самолет. Такие есть в МЧС...
- Вы хотите, – ткнул себя в грудь чиновник, – чтобы я просил об этом министра?
- А кто? – опешил Глеб Васильевич.
- Помилуйте! – воскликнул чиновник. – У нас в России, слава богу, врачи есть. Нечего забивать себе голову, что за границей лучше. Я понимаю, когда что-то случается в Африке, и оттуда человека везут к нам. Но чтобы в Израиль, только из-за недоверия к отечественной медицине...
- Но сам главврач сказал...
- Он расписался в собственном бессилии? – склонил голову набок чиновник. – А-й-й-й!
- Но я прошу вас...

– Кто вы такой, чтобы сейчас поднимать вопрос о самолете? – неожиданно прищурился Анатолий Николаевич. – Средней руки инженеришка, который тянул из бюджета деньги на дорогостоящий проект, а в результате...

– Что? – не веря своим ушам, протянул Глеб Васильевич. – Да как вы смеете?! – Он потянулся к ставшему вдруг ненавистным бюрократу. Окружающие предметы потеряли цвета, сделавшись уныло-серыми, а в голове зашумело. – Да я...

Он хотел сказать, что даже в Америке его работы не подвергаются сомнению, как воздуха стало катастрофически не хватать. Пол медленно поплыл. Пытаясь удержаться на ногах, Глеб Васильевич шагнул к столу, однако нога его провалилась в пустоту...

После процедур Антон вернулся в номер. Как всегда, Дрона еще не было. Третий день подряд майор приходил намного позже его. Антона это ничуть не беспокоило, даже наоборот – после массажа или бассейна хотелось с полчаса вздремнуть, а с неугомонным Дроном этого сделать невозможно. Здесь он попал в обожаемую им стихию, веселил медперсонал: рассказывал анекдоты врачам, донимал медсестер и мотал нервы санитаркам, снуя взад-вперед по коридорам лечебного корпуса. Курортно-санаторное лечение для обоих было в тягость, особенно разного рода процедуры. На второй после приезда день их тщательно обследовали. Антон твердо знал, что оба абсолютно здоровы, вернувшись из последней командировки в Африку, они прошли диспансеризацию. Однако здесь все же накопили по мелочам и теперь усердно, по принципу «кашу маслом не испортишь», лечили.

Антон повесил мокрое полотенце на спинку кровати, снял кроссовки и лег на кровать. Однако едва закрыл глаза и расслабился, как раздался грохот, и в комнату, подобно бурану, ворвался Дрон.

– Командир!

– Чего тебе? – не открывая глаз, спросил Антон, стараясь не вспугнуть блаженное состояние, предшествующее сну.

– Просьба у меня к тебе одна.

– Какая? – с тревогой в голосе спросил Антон, уловив в голосе Дрона нотки легкой паники. Это его заинтриговало, но он продолжал лежать с закрытыми глазами.

Дрон молчал. Антон не выдержал и сел:

– Чего тебе, горе луковое?

Дрон загадочно посмотрел на дверь, потом опустил взгляд в пол:

– Ты номер не освободишь?

– Что? – протянул Антон, медленно вставая с кровати.

– В общем, мне тут... Я...

– Слушай, Вася... – Антон поднял руку, собираясь сопроводить следующую реплику из ненормативной лексики жестом, как в дверь постучали.

– Ну, вот. – Дрон посмотрел так, как смотрят дети, у которых отобрали самую любимую игрушку.

– Что вот? – Антон упер руки в бока. – Посмотри лучше, кто это.

– Я и так знаю. – Дрон пошел открывать.

Сон как рукой сняло, пришлось вставать.

– Здравствуйте! – раздался робкий девичий голос.

Антон обернулся.

Молоденькую женщину из кабинета физиолечения он узнал сразу. Хрупкая, с большими глазами, она растерянно смотрела на него.

– Виделись уже, – напомнил Антон.

– Вы знакомы? – прикинулся дурачком Вася.

– Так, – пожала она плечами. – Антон Владимирович приходит к нам на процедуры.

– А я его сегодня встретил, чуть не упал. Мы служили до увольнения в одной бригаде, – ошарашил Дрон. – Правда, Антон Владимирович? – Антон едва открыл рот, чтобы ответить, как Василий бодрым голосом продолжил: – Сегодня выхожу в коридор и глазам своим не верю: он идет. Оказывается, даже поселили на одном этаже.

– Так я вам помешала? – неожиданно догадалась девушка. – Может, вы поговорить хотели?

Антон попытался сказать, что именно так оно и есть, но и в этот раз Дрон его опередил:

– Нет, не волнуйся. Просто Антон Владимирович занес мое полотенце, которое я оставил в душевой.

– Так оно и было, – подтвердил Антон, надевая кроссовки: – Пойду к себе в номер.

Направляясь по тенистой дорожке, с двух сторон которой росли экзотические пальмы, Антон размышлял, как наказать Дрона. Сегодня Василий перешагнул черту. Отдых и лечение – это прикрытые операции. Конечно, ничего не стоило сейчас позвонить ему и приказать прибыть на берег. А еще лучше, поставить задачу проверить, например, чердак на предмет посторонних предметов, или отправить его в Сосновый бор, где поселились недавно прибывшие в группу лейтенанты Песков и Вербицкий. Пусть посмотрит, как обустроились молодые. Однако немного поразмыслив, вдруг подумал, что с его стороны это будет выглядеть, словно он завидует.

Громкие голоса, донесшиеся из-за акаций, заставили Антона замедлить шаг.

– Не надо меня пугать, – хныкала женщина.

– Тебе ничего не стоит это сделать, – с нотками недовольства говорил мужчина.

– Я с трудом устроилась! Ты же знаешь, на всем побережье не найти такой работы.

Антон решил ускорить шаг и пройти мимо, однако последующая фраза заставила его остановиться.

– Пойми, ты ничем не рискуешь. Они до обеда на процедурах, ключи от дверей у тебя есть...

Антон оглянулся по сторонам. Людей в этой части парка не было. Совсем рядом – ограждение. Он присел на корточки у прямоугольной бетонной клумбы. Взору открылась выкрашенная в салатный цвет беседка. На скамейках, расположенных напротив друг друга, сидели двое. Она – русоволосая женщина в костюме дежурной по этажу. На плечи была накинута куртка. Лицо мужчины было Антону незнакомо. Он знал уже весь обслуживающий персонал – от дежуривших на проходной охранников, из числа местных жителей, до назначаемых для патрулирования территории военных. За исключением двух лодырей из усиления, которых выставила накануне их с Дроном приезда одна из расположенных в Сухуми частей, сюда заступали одни и те же солдаты комендантского взвода.

– С чего ты взял, что это проверяющие? – поежилась женщина.

– Ты же знаешь, что они в первый день устроили? – Мужчина оглянулся по сторонам. – Один легко обезоружил патруль.

– Это не патруль был, так себе, – отмахнулась женщина.

Антон весь превратился в слух. Сомнений не было, речь шла о нем и Дроне.

– А я тебе говорю, это засланные казачки, – не унимался мужчина. – Не могут так себя вести обычные военные.

– Думаешь, ФСБ? – испуганно спросила женщина.

– Надо это выяснить, – подтвердил ее предположение мужчина.

– Тэваз, не заставляй меня делать этого, умоляю тебя! – неожиданно попросила женщина. – У меня двое детей, сестры на руках, больная мать. Чем я их кормить буду?

– Никто ничего не узнает, – стоял на своем Тэваз. – Вон Хибла сразу согласилась, а ей еще труднее. Что будет, если муж узнает, чем она здесь занимается?

– Я точно ни с кем спать не буду! – неожиданно громко объявила женщина.

– Я тебя и не заставляю; знаю, ты у нас с принципами. – Тэваз наклонился и взял ее руки в свои ладони. – Ну, так как? Или ты забыла, кто замолвил за тебя словечко перед главврачом?

– Хорошо, я попробую, – сдалась наконец женщина.

Антон стал медленно пятиться задом. Злость на Дрона вмиг улетучилась. Благодаря ему Антон узнал, что к ним проявляют нездоровый интерес работники дома отдыха, причем заправляет всем этим Тэваз. Конечно, можно предположить, что это всего лишь обычные опасения администрации. Уезжая сюда, Антон узнал, что Министерство обороны проводит объединение санаториев, собирается уменьшить штат, и под сокращение попадает почти треть персонала. Для местных это удар. Потерять место даже уборщицы для женщины в этой республике равносильно оставить престижную работу в Москве. Деньги в учреждениях Министерства обороны России платили, по местным меркам, невиданные.

Лаша пронесся мимо руин следующего дома, пробежал через сад, перемахнул через сложенный из камня забор и ужаснулся – группа словно сквозь землю провалилась.

Между тем сзади вовсю шел бой. Треск автоматных очередей то и дело тонул в разрывах гранат, слышались крики. Пробежав немного по улице, образованной полуразрушенными домами, Лаша свернул в сад и перешел на шаг. Что делать? Озираясь по сторонам, он пытался понять, куда могли деться остальные, и клял себя за неосмотрительность. Кому теперь нужен его подвиг?

Сзади раздался гул. Он шагнул в заросли сухой травы и опустился на корточки. По дороге, с которой он только что ушел, промчался бронетранспортер и неожиданно резко остановился. Лаша приподнялся, пытаясь понять, что происходит, но стена дома и распутившиеся деревья не позволили этого сделать. Лязг откинувшихся дверей заставил его снова пригнуться, и почти сразу грохнул КПВТ. Лаша понял, что дом полностью блокирован, и теперь Гургени и Эзра остаются либо погибнуть, либо сдать. Хотя после того, как Лаша расстрелял офицера, их наверняка не оставят в живых.

Он стал пятиться задом, потом выпрямился, развернулся и снова побежал. На одном дыхании вбежал в гору и перешел на шаг. Кажется, оторвался. Хотя, если начнут преследование, ему несдобровать. Что делать? Идти днем через границу обратно в Грузию – самоубийство. Прятаться в окрестностях – опасно. Как только русские ворвутся в дом, они быстро поймут, что Гургени и Эзра лишь прикрывали отход остальной части группы. Неизбежно район наводнят военные и милиция, в ближайших селах организуют патрулирование из числа ополченцев. Лаша стал лихорадочно соображать. По всему выходит, группа повернула в глубь территории. Но куда? Задачи никто, кроме командира, не знал. Это новшество ввели после того, как несколько раз подряд из-за одного попавшего в плен просчитывали остальных и принимали меры.

За размышлениями он не заметил, как вновь оказался на дороге. Опомнился лишь тогда, когда услышал странный скрип. Навстречу ему, толкая перед собой тележку, шел какой-то старик, позади него семенила преклонного возраста женщина. Лаша бросился прочь, однако, сделав несколько шагов, остановился. Он поздно понял, что совершил глупость. Теперь эти люди сообщат куда надо, что видели человека, который их испугался, и район быстро обложат. У русских много техники и вертолетов и большие шансы найти его. Между тем мужчина тоже остановился. Он разглядывал Лашу так, словно перед ним был инопланетянин. На тележке лежали доски. По-видимому, эта престарелая чета разбирала один из брошенных домов, а когда началась стрельба, решила уйти.

– Здравствуйте! – крикнул Лаша на абхазском языке первое, что пришло в голову. – Внизу стреляют. Я с трудом унес ноги.

Старик и его спутница молчали. Они словно окаменели.

«Глухие, что ли?» – подумал про себя Лаша и медленно двинул в их сторону.

– Мои родители когда-то жили в этих краях. Вот приехал, чтобы посмотреть, как здесь теперь. И надо же такому случиться – сразу попал в переделку...

Старик отпустил ручки телеги, которые с грохотом упали на землю, наклонился и вытащил из-под досок топор:

– Не подходи!

– Не бойтесь, я не сделаю вам ничего плохого, только хотел спросить...

– Не подходи! – топнул ногой старик. – Ты, я вижу, грузин, а вы не приходите в эти края с миром.

– Клянусь, я живу в России, – не сводя со старика глаз, стал уверять Лаша. – И не был в Грузии уже много лет. Просто хотел побывать на родине и приехал. А здесь такое...

Лаша упрекнул себя за опрометчивость. Надо было сказать, что он мингрел, который приехал из Дихазурта. Ведь и по паспорту, который был у него, он вовсе не Лаша Ахвледиани, а Чанба Кеубая. Теперь этот абхаз уверен в своей правоте. И откуда он только здесь взялся?

В кармане надетого под куртку жилета у Лаши нож и пистолет. Но как их сейчас достать, чтобы не насторожить стариков?

«Лаша, – обратился он к самому себе, – ты совсем из-за страха рассудок потерял. Разве они смогут тебе чем-то помешать? Ведь старик с трудом катит тележку, в которой лежат две доски».

Следя за реакцией абхаза, он неторопливо расстегнул «молнию» ветровки, достал закрепленный на левом боку пистолет и направил на старика. Все это время абхаз стоял, не шелохнувшись, а женщина испуганно шагнула к нему ближе и взяла под руку. Лаша целился в лицо, но попал в шею. Старик как подкошенный упал, увлекая свою спутницу за собой. Лаша шагнул ближе и выстрелил женщине в ухо, потом в лоб старику. После этого развернулся и устремился прочь.

Неожиданно ему стало легко и спокойно. Он наконец принял решение, как быть дальше. По сути, ничего страшного в том, что он оказался один, не произошло. Может, это даже к лучшему. Не считая Абесалома, в группе остались еще шесть человек. Такому количеству тяжело уйти в светлое время суток от преследования. Наверняка их теперь все равно найдут и уничтожат. Ему нужно лишь добраться до Гали, большинство проживающих там – грузины, и у Лаши много знакомых в этом городе. Они помогут ему добраться до Сухуми. Для диверсантов, оказавшихся в его положении, существовала определенная инструкция. Согласно ей, он должен обосноваться в крупном населенном пункте и, используя специальные закладки, пароли и коды, сообщить о случившемся представителю агентурной сети или, проще говоря, подполья. Неожиданно Лашу охватил страх. А что, если сейчас наткнутся на трупы и его след примут за след всей группы? Он невольно обернулся, а потом ускорил шаг.

Подъем закончился и начался спуск. Эта часть холма тоже была покрыта лесом. Лаша шел быстро и вскоре оказался у небольшой реки. Оглядевшись по сторонам, сел на корточки и умылся. Подумав немного, сбросил с себя ветровку, вынул из карманов жилета паспорт, запечатанные в полиэтилен тысячу долларов, запасные обоймы к пистолету, снял жилет, еще раз воровато оглянулся по сторонам и сунул его в воду. Дождавшись, когда он плотно ляжет на дно, стал закладывать его сверху камнями. Когда дело было сделано, Лаша надел спортивную куртку, накинул сверху ветровку, рассовал содержимое жилета по карманам. С минуту посидев на корточках, встал, вошел в воду и повернул вдоль русла. Он опасался, что русские могут использовать собак, и первый раз пожалел, что бросил автомат где попало. Нужно было спрятать, теперь у них появился в распоряжении предмет с его запахом.

Ноги стало ломить от холода. Речушка скорее походила на большой каменистый ручей и называлась Сида. Сейчас вода в ней была мутной. Если развернуться и пойти вниз по руслу, то через пару километров будет дорога, которая соединяет Абхазию с Грузией. Лаша еще вернется к ней, но другим руслом. Речка Хумушкури течет параллельно Сиде, и в верховьях они

берут свое начало совсем близко друг от друга. Конечно, до конца подниматься в горы он не будет. Это невозможно. Ноги до колен уже словно деревянные. Он оглянулся по сторонам и устремился к другому берегу. На середине реки вода доставала почти до пояса. С трудом удерживаясь на ногах, Лаша наконец перебрался на другой берег, вошел в заросли кустарника и упал на землю. Некоторое время неподвижно лежал, приходя в себя. Потом перевернулся на спину, сел, стянул кроссовки. Носки протерлись до дыр. А ведь Мамаи Лордкипанидзе утверждал, что они сшиты из лучшего материала по специальным технологиям...

– Тебя бы хоть однажды отправили с нами, – вслух проговорил Лаша.

Перед глазами встал майор с рябой кожей на отвислых щеках, и Лаша невольно улыбнулся. Лордкипанидзе пытался скрыть свою полноту, поэтому туго затягивался ремнем. Особенно он старался выглядеть подтянутым, когда ему приходилось присутствовать на занятиях, проводимых американскими инструкторами. Майор был на базе главным. Иногда он принимал зачеты и нормативы, следил за дисциплиной. Между собой кадеты называли его Лордом.

Лаша стянул носки, немного подумал, скатал их в шарик и бросил в реку. Проследив за полетом, снова улегся на спину и закрыл глаза. Ласковое солнце, пение птиц, запах распустившейся листвы и шум воды в реке не радовали Лашу. Скорее, наоборот, ему от всего этого становилось еще тоскливее. Рано или поздно его наверняка схватят или просто пристрелят. И уйти он из группы не может. Некуда. Одним словом, со всех сторон обложен и работает на правительство Грузии взамен свободы. Ведь он преступник. Здесь, в Абхазии, Лаша тоже давно в розыске. Одно и остается – выживать в этих адских условиях. По сути, вся группа набрана из таких, как он, людей, преступивших закон. А куда денешься? Пришлось жить в такое время, когда по-другому нельзя. Повезло его родителям. Они с ностальгией вспоминали времена своей молодости, когда была одна большая страна.

Едва слышно прошуршала прошлогодняя листва.

«Мышь, наверное», – подумал Лаша. Однако в следующий момент внутри все сжалось. Он почувствовал тем звериным чутьем, которое вырабатывается годами у людей, постоянно живущих в напряжении, что к нему приблизился человек. Причем совсем близко. Лаша едва хотел резко откатиться в сторону и вскочить, чтобы успеть вынуть из кармана пистолет, как в лоб уперся ствол автомата:

– Тихо!

Глава 3

Глеб Васильевич лежал на кровати и смотрел на заглядывающую в окно верхушку тополя, украшенную распутившейся листвой, когда вошли медсестра и врач.

– Доброе утро! – нарочито громко поприветствовал его моложавый доктор и сел на край кровати: – Как спалось?

– Спасибо, нормально. – Глеб Васильевич перевел на него взгляд. – Сколько мне еще лежать?

– Вы так спрашиваете, будто провели здесь уже не один год, – улыбнулся доктор, беря из рук медсестры историю болезни. – Вас привезли два дня назад. Скажу больше, вовремя. Еще немного, и сейчас мы бы не разговаривали.

– Мне нужно позвонить домой, – попросил Глеб Васильевич.

– Телефоны держать при себе мы не разрешаем. – Врач шутливо нахмурил брови и стал мерить пульс. – Отделение кардиологии. Волноваться вам нельзя, к тому же он плохо влияет на установленное здесь оборудование.

– Мы сообщили вашей жене, – попыталась успокоить больного медсестра.

Глеб Васильевич знал, что ей позвонили вечером того же дня, как его привезли в больницу. Конечно, Татьяна не может прийти. Ей надо находиться рядом с сыном и одновременно заниматься поиском денег.

Доктор закончил мерить пульс, просмотрел вклеенную в историю кардиограмму, задал еще несколько вопросов и вышел.

Глеб Васильевич снова уставился в окно. На душе скребли кошки.

«Может, зря я отказался от помощи этого человека? – неожиданно подумал он. – Хотя разве я отказывался? Просто не дал ответ, надеясь, что вырученные с продажи квартиры и дачи деньги покроют расходы».

Едва Тихоновы дали объявление и заключили договор с риелторской конторой, как появилось огромное количество покупателей. Но все предлагали сумму в три раза меньше заявленной. Надежды на быстрое разрешение проблемы таяли на глазах.

– Почему я лежу? – неожиданно сказал он вслух и медленно сел. – Надо немедленно позвонить Татьяне.

Неожиданно двери открылись, и в палату осторожно вошел не кто иной, как Курочкин.

– Господи! – схватился за грудь Глеб Васильевич.

– Вам плохо? Вы не рады, что я пришел? – растерялся посетитель.

– Что вы, – показал на стул Глеб Васильевич, – как раз о вас думал. Проходите.

Курочкин с опаской оглянулся на дверь:

– Я кое-как прорвался. Меня могут в любой момент выгнать. Приемные часы после обеда.

– Как вы меня нашли?

– Очень просто, – опускаясь на стул, заговорил Курочкин. – Позвонил вам, трубку взяла медсестра. Все. Осталось узнать номер больницы, отделение и палату.

– Понятно, – вздохнул Глеб Васильевич.

– Как я понял, вам стало плохо, когда вы были у своего начальника?

– Да, – подтвердил Глеб Васильевич. – Он отказал в помощи.

– Ну, ничего. – Курочкин положил ладонь ему на предплечье. – Из любого положения есть выход.

– Какой?

– Мы можем перевезти вашего сына обычным рейсом. – Курочкин откинулся на спинку стула. – Найдем хороших врачей, купим оборудование. В конце концов, есть частные самолеты.

– Вы так добры ко мне...

– Не только к вам, – улыбнулся Курочкин. – В мире столько несправедливости, поэтому часто приходится помогать людям в беде. Это прямая обязанность фонда.

– Как мне вас благодарить?

– Я ничего еще не сделал, – напомнил Курочкин. – А вообще, лучшей наградой для меня будет ваш переезд в Америку.

– Но это предательство, – ответил ему Глеб Васильевич, ловя себя на мысли, что предложение Курочкина уже не вызывает у него бурю негодования.

– Я уже сказал вам, вы никого не предаете, это вас давно предали. И то, что вы здесь, – тоже результат попустительского отношения государства к светилам науки. Я же говорил, что нечистые на руку дельцы давно продают ваши труды за границу, выдавая за свои...

– Этого вы мне не говорили. – Глеб Васильевич от удивления даже приподнялся на локтях.

– Ну, немного не так выразился, – пожал плечами Курочкин.

– У вас есть с собой телефон?

– Да, конечно.

– Можно позвонить?

– Без проблем. – Курочкин сунул руку в карман и протянул Глебу Васильевичу трубку сотового телефона.

Телефон жены был отключен.

– Наверное, у сына сидит, – с сожалением проговорил Глеб Васильевич, возвращая трубку.

– перезвоните позже. Оставьте телефон себе, только спрячьте. Здесь, я знаю, не положено.

– Спасибо вам! – Глеб Васильевич вдруг понял, что нет сейчас для него ближе человека, чем Курочкин. – И простите.

– За что? – удивился тот.

– Я плохо о вас думал.

– Бросьте!

– Скажите, если все пройдет нормально и сына удастся вывезти, как мне быть?

– В любом случае вам необходимо покинуть Россию, – пожал плечами Курочкин.

– В моем положении это тяжело сделать. – Глеб Васильевич покосился на окна, словно опасаясь, что его могут подслушать.

– Конечно, вам будут препятствовать, – кивнул Курочкин. – Особенно те, кто все это время получал барыши за ваши изобретения. Кстати, как только я узнал, что вы были у помощника заместителя министра, сразу связался с Вашингтоном и попросил проинформировать, что это за тип. Так вот, он претендует на авторство ряда ваших изобретений.

– Да этого просто не может быть! – не поверил Глеб Васильевич. – Он же ничего не смыслит в физике. Если мне не изменяет память, этот негодяй с трудом закончил в свое время политехнический институт в провинции, потом делал карьеру по партийной линии. Комсорг, парторг...

– Я не так выразился, – смутился Курочкин. – Он намерен требовать вознаграждения как за собственные изыскания, но при этом не скрывает, что просто крадет их у вас.

– Все равно не укладывается в голове, – растерялся Глеб Васильевич.

– Но почему тогда он в штыки воспринял вашу просьбу? – хитро прищурился Курочкин и сам же ответил на этот вопрос: – Наверняка опасается, что в том же Израиле кто-то попытается предложить вам работать напрямую.

– Но я могу продолжать работать в России и информировать вас лично, – неожиданно пришедшая в голову мысль показалась спасением.

– Смею вас огорчить, – на лице Курочкина появилась скорбь. – Как только этот чиновник узнает, что деньги пошли мимо него, он донесет на вас куда надо...

Антон направлялся в номер в приподнятом настроении. Как ни странно, причиной этого стало повышенное внимание к ним со стороны Тэваза. Теперь преимущество на их стороне. Но еще большее удовольствие доставляло то, каким ударом для Дрона окажется его сегодняшняя интрижка. Ведь майор наверняка считал, что завоевал девушку, и теперь гордился своим очередным «подвигом».

На всякий случай Антон стукнул в дверь и потянулся на цыпочках, предвкушая, как будет распекать разгильдяя за утраченную бдительность.

– Войдите, – нарочито громко разрешил Дрон.

– Можно? – Антон изобразил на лице плебейскую улыбку.

– Пожалуйста, – по-барски ответил Дрон, продолжая лежать на заправленной кровати.

– Ну, что, развратник, и следы успел замести? – злорадно спросил Антон.

– Вы это о чем? – Дрон сел.

– Ну, как? – Антон прошел к столу и сел. – Не чай же вы здесь пили?

– Представь себе, – показал взглядом на чашки Дрон. – С твоим печеньем.

– Мне сегодня ночью можно здесь остаться?

– Не ерничай. – Дрон встал, подошел к дверям, приоткрыл их и выглянул в коридор.

Его поведение напрочь расстроило все планы Антона в отношении проведения воспитательной беседы.

– Ты меня, Вася, не пугай, – глядя на то, как Дрон вернулся и уселся с другой стороны, предупредил он.

– Придется, – слегка наклонился вперед Дрон. – Не было у меня с ней ничего и быть не могло.

– Неужели возраст подкачал? – попытался пошутить Антон, но по взгляду Дрона понял, что удивит скорее он его, а не наоборот.

– Она сама предложила мне пройти в номер и разыграть сцену, будто у нас интрижка, – перешел на шепот Дрон.

– Вася!.. – Антон неожиданно догадался, в чем дело, и прижал палец к губам.

Любой офицер спецназа знал: нельзя вести серьезные разговоры в номерах гостиниц, на съемных квартирах, которые приходится оставлять без присмотра, и в машинах. Замки сейчас не проблема, а техника шагнула так далеко, что, того и гляди, станут считывать мысли.

– Я помню, – кивнул Дрон, – поэтому пойдем со мной.

Теряясь в догадках, Антон отправился с Дроном к морю.

– В общем, на электрофорезе она ко мне в кабинку вошла и сунула вот это. – Дрон протянул свернутый вчетверо листок.

Антон огляделся. Они были в конце пляжа. Справа вплотную подступал густой кустарник, слева на берег накатывали волны, прямо – ограждение из сетки. Он развернул записку, написанную аккуратным женским почерком, выдававшим волнение пишущей:

«Василий, меня вынуждают познакомиться с вами и узнать, кто вы на самом деле. Настаивают на любых способах. Я обязана выполнить требование этих людей, иначе у меня будут неприятности. Пригласите меня в номер, как будто я вам понравилась. Там все объясню».

Затем свернул листок и сунул в нагрудный карман куртки.

– Ты решил мне про Тэваза рассказать?

Если сказать, что Дрон удивился, значит, не сказать ничего. У человека, которого учили скрывать свои эмоции, открылся от удивления рот.

– Блин, с трудом верится, но спрошу. – Дрон упер руки в бока и оглянулся по сторонам: – Неужели ты снизошел до того, что перебрался из соседнего номера на балкон и подслушивал?

- Нашел мальчика, – Антон даже разозлился. – Рассказывай.
- Что? – удивился Дрон.
- Все!
- Так ты знаешь или нет? – удивленно захлопал глазами Дрон.
- Говори, – потребовал Антон.
- Они пришли к ней домой два дня назад...
- Кто? – перебил его Антон.
- Тэваз и еще один его друг. Он русский. Сказали, что ФСБ прислала из Москвы двух своих агентов, которые должны накопать компромат на персонал. Будто абхазские врачи ненадежны, а медсестры сплошь и рядом работают на все разведки мира.
- Для чего? – Антон наклонился, поднял камень и запустил его в море.
- Якобы чтобы иметь основание безболезненно уволить всех, – следя за тем, как голыш подлетает на волнах, вздохнул Дрон.
- Сам-то в это веришь? – Антон отряхнул руки.
- Во что?
- Что это так.
- Как? – нахмурился Дрон.
- Прикидываешься?
- Нет, – честно признался Василий. Было видно, он действительно не понимает вопроса. Антон развернулся и пошел в обратную сторону.
- То, что мы из ФСБ, и с такой миссией, – просто повод вынудить несчастных женщин выполнять все, что им говорят. На самом деле здесь дело совсем в другом. Я думаю, нас прощитали.
- Кто? И откуда ты знаешь Тэваза?
- Случайно подслушал разговор в беседке, когда ты меня за дверь выставил, – объяснил Антон. – Он требовал, чтобы наша дежурная по этажу проверила номер и, возможно, установила что-то.
- Ну и ну, – протянул Дрон. – Неужели мы так администрацию напугали?
- Бери глубже, – цокнул языком Антон. – Скорее всего, здесь замышляется что-то нехорошее. Почву готовит Тэваз, а мы вызываем у него подозрение как люди, которые приехали, чтобы помешать этому.
- Что будем делать? – спросил Дрон.
- Для начала думать, – как само собой разумеющееся, ответил Антон. – И еще, – он замедлил шаг. – Надо узнать, кто сейчас и в каких номерах отдыхает. Я не беру в расчет обычных пенсионеров, а людей посерьезнее.
- Думаешь, планируется похищение? – догадался Дрон.
- И это в том числе тоже не исключаю.
- Знаешь, мне кажется, все банально просто. Это обычные грабители. Возможно, считают, что храним в номере много денег. Сам подумай, разве из того же Центрального аппарата сюда кто-то поедет? Конечно, не исключено, что готовят банальный теракт.
- У нас уже теракты банальными стали? – удивленно хмыкнул Антон.
- Извини, не так выразился, – развел руками Дрон.
- Твоя подружка не сказала, кто такой этот Тэваз, – спросил Антон, – и почему он свободно разгуливает по территории?
- Фамилия – Агирбая, мингрел. Держит на побережье небольшой частный пансионат. Здесь у него магазин.
- Это тот, что на первом этаже? – уточнил Антон.
- Дрон кивнул.
- Уже что-то, – оживился Антон. – Адрес знаешь?

– Конечно, Песчаная, девять. Дом с желтым фасадом.
– Сообщу сегодня шефу и предложу поработать в этом направлении.
– Думаешь, даст добро? – осторожно спросил Дрон.
– А ты как считаешь?
– Наверняка этим смежники займутся.
– Да, задача у нас есть, – согласился с Дроном Антон. – Но, если этот Тэваз как-то связан с грузинской разведкой, не исключено, что мы попадем в самое яблочко.
– Согласен, – кивнул Дрон.
– Тем более у нас есть чеченцы, – напомнил Антон. – Так что, как только Родимов разрешит, Джин с Шаманом сразу навестят заведение этого Тэваза. А теперь давай подумаем, какую информацию мы должны ему слить.

Лашу трясло так, что ноги сами собой подпрыгивали. Между тем человек, подкравшийся со стороны головы и уткнувшийся в лоб ствол автомата, кроме как «тихо», ничего не сказал.

«Чего он хочет, почему молчит? – едва сдерживая себя, чтобы не закричать от навалившегося ужаса, думал Лаша. – Неужели конец?»

– Испугался? – громом среди ясного неба прозвучал голос Абесалом.

Лаша сел и открыл глаза. Сердце билось так, что трудно было дышать. Он медленно развернулся. Криво улыбаясь, перед ним стоял командир. Чуть дальше, позади него, – Бахваи Ради.

– Зачем так шутить? – с обидой в голосе заговорил Лаша. – Еще немного, и я бы схватил тебя за ствол. Что было бы потом, сам знаешь...

– Ты чуть не умер со страха, – рассмеялся Абесалом.

– Это я специально трясусь, – пытаюсь унять дрожь, стал оправдываться Лаша.

– Сказочник! – Абесалом забросил автомат за спину. – Где твоё оружие?

– Пуля попала, – стал врать Лаша, – перебила газоотводную трубку.

– Опять врешь, – сокрушенно вздохнул командир.

– Почему так решил? – рассердился Лаша.

– Хватит, – отмахнулся Абесалом. – Обувайся, пошли.

– Куда?

– Ты что, здесь остаться решил? – Глупые вопросы подчиненного окончательно вывели командира из себя.

– Я просто спросил, – натягивая кроссовки, заторопился Лаша, еще не зная, хорошо это или плохо, что его нашли. – А где остальные?

– Мы разделились, – пояснил Абесалом, озираясь по сторонам. – Так легче запутать следы и выжить.

– Я убил начальника пограничников, – похвастал Лаша.

– Лучше скажи, почему не выполнил приказ? – со злостью в голосе неожиданно спросил Абесалом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.